
СТАТЬИ. СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-237-282

УДК 821.161.1

Послужной список Городничего в «Ревизоре». К характеристике политических взглядов Н.В. Гоголя

© 2020, И.А. Виноградов

Аннотация: Статья посвящена изучению авторских представлений о социальном и должностном статусе главного чиновника комедии Гоголя «Ревизор». До настоящего времени не рассматривался взгляд писателя на своего героя как на «низкого разночинца», «опозорившего» свою должность. Согласно оценке автора, Сквозник-Дмухановский, заслуживший ассessorство и дворянство «тяжелой службой с низших чинов», так и не стал подлинным дворянином, будучи казнокрадом и взяточником. Такое освещение Городничего позволяет обозначить авторскую направленность гоголевской «сатиры». В «Ревизоре», так же как в комедии «Игроки», обличению подвергаются не «власти предрержащие», не «государственная машина» как таковая, но мошенники на чиновничьих местах, шулеры — в прямом и переносном смысле. Критически рассматривая проблемы государственного управления России, Гоголь оценивал их как бы глазами высокопоставленного, ответственного чиновника, болеющего о судьбах страны. Такое же понимание «Ревизор» встретил у императора Николая I, разрешившего пьесу к постановке и печатанию. Статья состоит из пяти глав: 1. Обстоятельства карьеры Городничего; 2. Прототипы героев-чиновников Повести о соре и «Ревизора»; 3. Отличительные черты «среднего» чиновника в произведениях Гоголя; 4. «Пограничный» статус Городничего; 5. Характер сатиры Гоголя. В работе использован обширный фактический материал, позволяющий детально проследить предполагаемую служебную карьеру героя «Ревизора» и определить авторский замысел комедии как пьесы, обличающей недостойных исполнителей воли монарха, тех дворян и разночинцев, которые не отвечают высокому призванию, возложенному на них верховной властью. Вехи послужного списка Городничего наглядно подтверждают слова Гоголя о том, что «правительство состоит из нас же, мы выслуживаемся и составляем правительство», что во всем «виноват применитель, стало быть наш же брат», и что читателям и зрителям следует искать недостатки выведенных героев прежде всего в самих себе. С предельной искренностью и остротой писатель выступал за исправление пороков своего времени, без «задней мысли» о смене политической системы. Впервые обозначено отношение к замыслу «Ревизора» своеобразного гоголевского автокомментария к пьесе — двух отдельных, опубликованных в 1841 г. сцен «Анна Андреевна и Марья Антоновна» и «Хлестаков и Растаковский».

Ключевые слова: Гоголь, биография, творчество, интерпретация, типология героя, радикализм, консерватизм, духовное наследие

Информация об авторе: Игорь Алексеевич Виноградов, д.ф.н., главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: info@imli.ru

Цитирование: *Виноградов И.А.* Послужной список Городничего в «Ревизоре». К характеристике политических взглядов Н.В. Гоголя // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 237–282. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-237-282

1. Обстоятельства карьеры Городничего

В 1909 г. А.В. Амфитеатров указывал: «Собакевич, Ноздрев, Манилов — нарицательные имена, до сих пор классифицирующие общество. Но кто теперь в классификации этой заботится хотя бы о таких подробностях, что Собакевич, Ноздрев, Манилов, Плюшкин — деревенские помещики, Бобчинский и Добчинский — городские помещики, что Люлюков, Растаковский и Коробкин — отставные чиновники, а Земляника, Тяпкин-Ляпкин, Шпекин — на действительной службе? Кому интересно, что они служат не по назначению, а по дворянским выборам и т. д.? Эти оттенки уже и для нас терялись, но отцы наши находили в них огромное значение и, в тонком различении их, наслаждались Гоголем, конечно, осязательнее и подробнее, чем мы, восьмидесятники»¹. Стирание указанных «оттенков» ведет в конечном счете к непониманию авторского замысла гоголевских произведений. Проблема осложняется тем, что заключенная в ярких художественных образах авторская мысль во многом была неясной и для самих современников. Это относится не только к наиболее загадочному из произведений Гоголя — поэме «Мертвые души»², но в значительной мере применимо и к главной пьесе писателя, к комедии «Ревизор».

Для понимания авторского замысла «Ревизора» необходим охват как можно большего количества смысловых оттенков и значений, так или иначе проясняющих содержание пьесы. Игнорирование той или иной составляющей картины чревато промахами и ошибками

¹ *Амфитеатров А.* Гоголевы дни // Амфитеатров А. Заметки сердца. М.: Печатня А.А. Поплавского, [1909]. С. 24–25.

² См.: *Виноградов И.А.* Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 3. С. 7–18; *Виноградов И.А.* Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» (продолжение) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 4. С. 51–67.

в интерпретации произведения в целом. Между тем среди текстов, имеющих непосредственное отношение к «Ревизору», до сих пор остаются такие, которые никогда не привлекали к себе должного внимания исследователей.

К числу таких малоисследованных текстов, связанных с авторской концепцией «Ревизора», относятся две отдельные драматические сцены: «Анна Андреевна и Марья Антоновна» и «Хлестаков и Растваковский». Первая является расширенным вариантом сцены из третьего действия комедии, заключающей разговор между матерью и дочерью Городничего перед встречей с Хлестаковым, во второй описывается попытка Хлестакова получить взятку с отставного, «в екатерининском мундире», офицера³. Первоначально Гоголь разговор женских персонажей существенно сократил, а от второй сцены отказался совсем, она осталась в его черновиках, однако позднее, при подготовке второго издания пьесы, писатель хоть и не вернул исключенные отрывки в текст самой комедии, однако счел нужным опубликовать их в качестве приложения к «Ревизору».

Обе сцены создавались в октябре-ноябре 1835 г. и были напечатаны в 1841 г. при повторном издании комедии под общим названием «Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы». До настоящего времени вне поля зрения исследователей оставалось то, что сцены, не предназначавшиеся к постановке, представляют собой важное звено в цепи других гоголевских автокомментариев к «Ревизору»: заметки «Характеры и костюмы. Замечания для гг. актеров», статьи «Петербургская сцена в 1835–36 г.», «Предупреждения для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”», «Отрывка из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору», «Театрального разезда после представления новой комедии», «Развязки Ревизора»⁴.

Наиболее важной для понимания общего замысла комедии из двух указанных сцен представляется вторая — «Хлестаков и Растваковский». Никогда не привлекавшая к себе внимания, сцена с Растваковским оказывается весьма значимой для понимания отношения автора к выведенным в «Ревизоре» социальным типам, ибо является своеобразным автокомментарием Гоголя к одному из главных ее ге-

³ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.: Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. III/IV. С. 307–310. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в скобках.

⁴ См.: Виноградов И.А. Эволюция текста: авторский комментарий Н.В. Гоголя к поэтике комедии «Ревизор» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 146–174.

роев — к самому Городничему. Проблема заключается в отдаленной, почти двухсотлетней перспективе, из-за которой отношение отрывка «Хлестаков и Растаковский» к основному тексту комедии остается неясным. Чтобы разобраться в этом, важно детально восстановить те житейские обстоятельства, которые являются органическим историко-бытовым контекстом образов Растаковского и Сквозника-Дмухановского. Будучи хотя бы отчасти понятны гоголевским современникам, эти обстоятельства впоследствии были утрачены для новых поколений читателей и зрителей. Значение сцены «Хлестаков и Растаковский» проясняется через изучение вероятного послужного списка гоголевского Городничего. Проследить служебную карьеру Сквозника-Дмухановского становится возможным по разным историческим источникам, прежде всего по многочисленным правительственным указам, определявшим продвижение чиновников по карьерной лестнице, а также по сведениям, сообщаемым в самой комедии и других гоголевских произведениях. Другим подспорьем служит изучение реальных прототипов образов.

В комедии нигде не сообщается о чине Городничего. Установить это можно по его должности. Согласно действовавшим в России указам (1775 и 1835)⁵, Сквозник-Дмухановский, для того, чтобы быть назначенным на должность городничего, должен был состоять в чине коллежского асессора (или, согласно военной табели о рангах, — майора). Получение этого чина, который давал также право на дворянство, с необходимостью предполагало — опять-таки согласно правительственным постановлением, прежде всего указу 1809 г.⁶ — посещение во внеслужебное время лекций в университете и последующую сдачу университетского экзамена для оценки готовности кандидата на чин⁷. Однако как-то затруднительно предположить,

⁵ См.: 14.392. 7 ноября 1775. Учреждения для управлений губерний Всероссийския империи. Часть первая (Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. [Собрание первое]. СПб.: Печатано в Тип. II Отд. Собственной Его Имп. Величества канцелярии, 1830. Т. 20. С. 234); К № 8593. 20 ноября 1835. Высочайше утвержденное расписание гражданской службы по классам от XIV до V включительно (Там же. 1836. Т. 10. Отд. 2. Приложение. С. 336, 338). Далее ссылки на первую коллекцию «Полного собрания законов Российской империи» приводятся в сокращении — ПСЗРИ 1; на вторую коллекцию — ПСЗРИ 2.

⁶ См.: 23.771. 6 августа 1809. Именной, данный Сенату. О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские асессоры и статские советники (ПСЗРИ 1. Т. 30. С. 1054–1057).

⁷ Главной причиной издания указа 1809 г. явилось «малое число учащихся» в университетах и то, что дворянство «в сем полезном учреждении менее других» принимало участие (23.771. 6 августа 1809. С. 1054). «Пассивная забастовка» дворянства объяснялась реакцией на общесловесный принцип образования, введенный уставом 1804 г.: *Алешинцев И.А.* Записка графа Сперанского «Об усовершенствовании общего народного воспитания» // Русская старина. 1907. № 12.

что Городничий, грубый, рядовой служака, когда-то мог посещать университет. Текст комедии для такого предположения оснований не дает. Случайно оставшаяся в черновике реплика Бобчинского о Городничем: «Столичное воспитание. И философским наукам обучался»⁸, — в окончательный текст пьесы не попала. От этой характеристики, задуманной автором при начальном этапе работы над «Ревизором», Гоголь отказался. Вместо столичного типа, с соответствующим воспитанием и образованием, герой приобрел черты «грубые и жесткие», «как у всякого, начавшего тяжелую службу с низших чинов» (III/IV: 219). По сложившемуся в итоге образу главного чиновника «Ревизора» точнее о его биографии говорит фраза, которую за Сквозника-Дмухановского мог бы сказать гоголевский городничий, выведенный писателем за два года до создания «Ревизора» в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: «...Я наукам не обучался никаким: скорописному письму я начал учиться на тридцатом году своей жизни. Ведь я, как вам известно, из рядовых» (I/II: 482)⁹. Сам Сквозник-Дмухановский

С. 729. Указ 1809 г. для обучения чиновников повелевал «в тех городах, где находятся университеты», открыть ежегодные курсы, продолжавшиеся с мая по октябрь, на которых занятия полагалось начинать «не ранее 2 часов пополудни, дабы утро могло быть употребляемо на исправление дел службы» (23.771. 6 августа 1809. С. 1054, 1056–1057).

23 января 1834 г. с целью привлечь титулярных советников к повышению образовательного уровня и социального статуса министр народного просвещения С.С. Уваров издал указ «О допущении к слушанию университетских лекций служащих и не служащих чиновников» (О допущении к слушанию университетских лекций служащих и не служащих чиновников // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 4. С. XVII). «Беспристрастное испытание [...] чиновников, требующих назначенным указом 6 августа 1809 года аттестатов, есть один из важнейших способов к поощрению учения и к отвращению многих неудобств» (27 мая 1833. Статьи, на которые, по циркулярному предложению г. управляющего министерством, гг. попечители и помощники попечителей должны обращать особенное внимание при обозрении учебных округов // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 1. С. LXV). В 1832—1833 учебном году из подвергавшихся испытанию чиновников в Петербургском университете были удостоены получения аттестатов лишь три человека: [Бутырский Н.И.] Краткое обозрение действий и состояния Императорского С. Петербургского университета с его округом, по учебной части, за прошедший 1832—1833 академический год, читанное 31 августа 1833 года в торжественном собрании университета ординарным профессором оного Бутырским // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 1. С. 48. Получив номер журнала с этими статьями, Гоголь писал его редактору К.С. Сербиновичу: «Я читаю теперь журнал ваш. В нем очень много интересного, даже в самых официальных статьях, которые изложены так занимательно, как я не мог предполагать!» (X: 238—239).

⁸ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.] [Л.]: АН СССР, 1951. Т. 4 / Тексты и коммент. подготовили В.В. Гиппиус, В.Л. Комарович. С. 178.

⁹ В окончательной редакции пьесы фраза Бобчинского о «науках» выглядит следующим образом: «Замечания такие... видно, что наукам учился» (III/IV: 253). Однако относится она здесь уже не к Городничему, а к Хлестакову, так как следует за репликой этого последнего: «Да, я и сам люблю этак иногда заумствоваться

о служащих по «ученой части» отзывается так, что это выдает в нем человека «неученого»: «Они люди [...] ученые и воспитывались в разных коллегиях...» (III/IV: 224).

Оставшаяся в черновиках реплика о «столичном воспитании» и «философском» образовании Городничего с очевидностью свидетельствует о том, что, создавая этот образ, Гоголь размышлял об общих проблемах чиновничества и основательно продумывал ступени служебной карьеры своего героя, — вернувшись в итоге к тому типу, который воплотил ранее в Повести о ссоре.

В таком случае возникает вопрос: каким же образом Сквозник-Дмухановский, равно как и другой гоголевский градоначальник, Петр Федорович в «малороссийской» повести, мог получить чин, доставивший ему место городничего? Подсказкой служит еще одно произведение Гоголя, повесть «Нос», написанная весной 1835 г. — в промежутке между временем создания Повести о ссоре и завершением «Ревизора». Герой «Носа» майор Ковалев, состоящий в том же чине, что и Городничий, никогда лекций в университете не посещал и экзамена на чин не сдавал. «Ковалев был кавказский коллежский асессор», — подчеркивает рассказчик «Носа» (III/IV: 43), подразумевая под этим льготные условия, которые предоставлялись чиновникам, служившим на Кавказе. Городничие «Ревизора» и Повести о ссоре, вышедшие из «низших чинов» и «никаким» наукам не обучавшиеся, вероятно, тоже получили «майорский» чин вследствие военной службы, т. е. перешли из капитанов в майоры (или, согласно гражданской табели о рангах, — из титулярных советников в коллежские асессоры), служа в армии, хотя и там чин майора присваивался не без взыскательной оценки кандидата: он давался распоряжением фельдмаршала на основании свидетельств генералитета и старших офицеров¹⁰. Если же они приобрели новый чин, уже будучи в статской службе, то удостоились повышения на «горячем», охваченном

и пофилософствовать...» (VII: 412). Мнению Бобчинского о Хлестакове как «образованном» человеке соответствует и последующее высказывание о нем Добчинского: «...Не генерал, а не уступит генералу: такое образование и важные поступки-с» (III/IV: 249). Такое представление о «пустышке» Хлестакове сложилось у Добчинского и Бобчинского при самой первой встрече с ним в трактире: «...В лице такое рассуждение... физиономия... поступки, и здесь (вертит рукою около лба) много, много всего» (III/IV: 228). В совокупности всеми этими репликами и был мотивирован перенос фразы Бобчинского с одного персонажа, Городничего, на другого.

¹⁰ См.: 2795. 14 апреля 1714. Именной. — О произведении в чин штаб- и обер-офицеров, первых по свидетельству всей дивизии генералитета и штаб-офицеров, а вторых по свидетельству штаб- и обер-офицеров в полки (ПСЗРИ 1. Т. 5. С. 96–97); 8516. 15 февраля 1742. Именной, состоявшийся в Сенате. — О повышении чинами по старшинству и заслугам (ПСЗРИ 1. Т. 11. С. 585).

военными действиями Кавказе. Последний способ получения асессорства, сравнительно с другими путями, очевидно, делал это звание более доступным — достижимым гораздо быстрее и легче.

А.С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум», напечатанном незадолго до выхода в свет «Ревизора», писал о Кавказе: «Молодые титулярные советники приезжают сюда за чином асессорским, толико вожделенным»¹¹. Еще одним комментарием к образам гоголевских «коллежских асессоров» Ковалева и Сквозника-Дмухановского служит позднейшее свидетельство К.К. Случевского, посетившего Грузию и описавшего в стихотворении «Коллежские асессоры» (1881) кутаисское кладбище с многочисленными надгробиями «кавказских коллежских асессоров»: «Говорят, что в указе так значилось: / Кто Кавказ перевалит служить, / Быть тому с той поры дворянином, / Знать, коллежским асессором быть... / И лежат эти прахи безмолвные / Нарожденных указом дворян...»¹²

Указ, о котором писали Пушкин, Гоголь, Случевский, ныне забыт: в современных комментариях точные указания на него отсутствуют. Между тем он находится в 27-м томе «Полного собрания законов Российской Империи» (СПб., 1830). Это именной указ от 19 декабря 1803 г. «О повышении чинами отправляющихся в Грузию на службу»¹³. Положения указа позволяли прибывшему на Кавказ чиновнику получить асессорский чин в обход университетского экзамена. А поскольку постановление об экзамене на чин вышло шестью годами позже, в 1809 г., возможность для его обхода возникла, при самом его издании, невольно, вследствие принятого ранее указа о льготах служащим на Кавказе.

Указ 1803 г. касался прежде всего гоголевских земляков: для восполнения «крайнего недостатка в канцелярских служителях» служить в Грузию приглашались чиновники прежде всего южных губерний как ближайших к Кавказу: Киевской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской и Слободско-Украинской¹⁴. По получении искомого асессорства чиновники со службы в Грузии

¹¹ Пушкин А. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Современник. 1836. Т. 1. С. 43.

¹² Случевский К.К. Коллежские асессоры // Случевский К.К. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., составл., подгот. текста и примеч. Е.А. Тахо-Годи. СПб.: Академический проект, 2004. С. 234.

¹³ 21.087. 19 декабря 1803. Именной, данный Сенату. — О повышении чинами отправляющихся в Грузию на службу (ПСЗРИ 1. Т. 27. С. 1072–1073). В последующие годы к этому указу вышло множество дополнений и уточнений: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 1. С. 541–547; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской империи. СПб., 1885. Т. 1 С. 581–583.

¹⁴ 28.032. 15 декабря 1819. Сенатский, с прописанием Высочайше утвержденного положения комитета министров. — О выдаче отправляющимся на службу в Грузию

в большинстве своем увольнялись («охотно всё оставляли»¹⁵). Таков был один из вероятных путей к майорскому чину трех героев Гоголя: миргородского городничего, майора Ковалева и уездного Городничего.

Гоголю знал об указе 1803 г., породившем «кавказских» асессоров, вероятно, еще тогда, когда в первой половине 1820-х гг. военную службу в Грузии, в войсках генерала А.П. Ермолова, проходили трое его двоюродных дядьев по материнской линии, выпускники 2-го петербургского кадетского корпуса Петр, Павел и Иван Петровичи Косяровские¹⁶. Петр Косяровский, с которым восемнадцатилетний Гоголь делился наиболее сокровенными мыслями о будущей службе, о «неугасимой ревности сделать жизнь [...] нужною для блага государства» (X: 74–75), умер в 1849 г. в чине полковника артиллерии. Другой дядя, Павел Косяровский, дослужился до надворного советника¹⁷. Третий — Иван Косяровский, отдавая долг военного, был также поэтом. В 1826–1829 гг. он служил в Петербурге, позднее жил в Одессе. Он был автором поэмы «Нина» (СПб., 1826), отправленной в год ее издания из Петербурга с дарственной надписью племяннику — Гоголю¹⁸. Реминисценции из поэмы Косяровского встречаются в юношеской поэме Гоголя «Ганц Кюхельгартен», написанной в 1827 г. в Нежине. Зимой 1828/29 г. Гоголь встретил дядю в северной столице и невольно был поражен его крайней замкнутостью в кругу чиновничьих занятий. «...Не понимаю, как они живут здесь, ничего не видя и не слыша», — сообщал он матери о двоюродном дяде (X: 96). Впечатление было столь сильным, что отдельными чертами своего родственника писатель воспользовался спустя не-

всем вообще канцелярским служителям на проезд, сверх прогонов, от 200 до 300 руб[лей], без вычета из жалованья (ПСЗРИ I. Т. 36. С. 500).

¹⁵ 27.885.а. 15 июля 1819. Высочайше утвержденное положение комитета министров. — Об определении приставами к обитающим в Грузии татарским народам князей и дворян грузинских, также и отставных офицеров (ПСЗРИ I. Т. 36. С. 290–291).

¹⁶ Там же. С. 264, 269, 271, 490.

¹⁷ В 1830-х гг. отставной штабс-капитан Павел Косяровский исправлял должность смотрителя при Одесской городской больнице (Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1835. СПб., [1835]. Ч. 2. С. 175; Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1836. СПб., [1836]. Ч. 2. С. 180). Штабс-капитан — чин X класса, коллежский секретарь. В конце 1830-х — первой половине 1840-х Павел Косяровский жил с женой в гоголевской Васильевке; с 1845 г. служил экономом Петровского Полтавского кадетского корпуса в должности штабс-капитана; коллежский секретарь (1846); титулярный советник (1847); коллежский асессор (1848); надворный советник (1850). См.: *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852): Научное издание: В 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 1. С. 271.

¹⁸ Там же. С. 543, 558–559, 564–565.

сколько лет при создании образа «ничтожного» чиновника Акакия Акакиевича в «Шинели», а также ограниченного («даже отроду не был в театре»; V: 253) «действительного статского советника» — дяди помещика Тентетникова во втором томе «Мертвых душ»¹⁹. Соответствующую характеристику таких чиновников Гоголь давал и в «Невском проспекте»: «Им не до того, чтобы заниматься рассматриванием прохожих; они еще не вполне оторвались от забот своих; в их голове ералаш и целый архив начатых и неоконченных дел; им долго вместо вывески показывается картонка с бумагами или полное лицо правителя канцелярии» (III/IV: 11).

«Мелкого», незадачливого героя «Шинели» Гоголь называет «вечным титулярным советником» (III/IV: 117; здесь и далее курсив мой. — И.В.). Такое название он дает Башмачкину потому, что указанное повышение, переход от титулярного советника к коллежскому асессору, был для героя, по его беспечности и нерадению, невозможен.

Подводя итог наблюдениям о «кавказских коллежских асессорах», можно предположить, что «майор» Ковалев, приехавший в Петербург с Кавказа в поисках «вице-губернаторского» или «экскурторского» места (III/IV: 44), представляет собой некоего двойника «майора» Сквозника-Дмухановского, что позволяет «заглянуть» в тот период жизни героя «Ревизора», когда тот еще не был назначен на должность городничего.

Существенно для характеристики героя то, что Городничий, не довольствуясь чином майора, мечтает о генеральском звании: «Славно быть генералом! Кавалерию повесят тебе через плечо [...] голубую...» (III/IV: 288). От вожделенного генеральского чина героя отделяет не одна, а сразу несколько ступеней, и неумные амбиции Городничего роднят его с еще одним петербургским героем-честолюбцем — с Поприщиным из «Записок сумасшедшего». Поприщин тоже состоит в незначительном чине героя «Шинели», он является «титулярным советником» (III/IV: 169); однако он также не шутя рассуждает о «генеральстве», причем в тех же выражениях, что и Городничий: «Желал бы я сам сделаться генералом... [...] ...через плечо голубая лента...» (III/IV: 169).

Из перечисленных двойников Сквозника-Дмухановского — майора Ковалева, Поприщина, Городничего Петра Федоровича — наиболее близким, очевидно, является последний. Чиновная карьера

¹⁹ См. об этом: Виноградов И.А. «Дело, взятое из души» // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. (15 кн.) М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. V. С. 566.

этого «неученого» малороссийского городничего «из рядовых» сообщает наиболее существенные данные к «послужному списку» героя «Ревизора». Он является военным инвалидом: нога Петра Федоровича была «прострелена в последней кампании» — подразумевается кампания 1807 г., военные действия в Восточной Пруссии (I/II: 479). Учитывая это, можно утверждать, что на городничество он был поставлен согласно трем правительственным указам 1829–1831 гг. В этих указах преимущественное право замещения вакансий городничих предоставлялось «уволненным от службы раненым» офицерам, состоящим «в покровительстве» специально образованного для этого комитета.²⁰

Образ бывшего военного, увечного городничего Петра Федоровича в Повести о ссоре, в свою очередь, перекликается с образом военного инвалида капитана Копейкина в первом томе «Мертвых душ». В рассказе о Копейкине также говорится об учреждении упомянутого выше комитета 18 августа 1814 г. и заведении «инвалидного капитала» для увечных воинов. Учреждение комитета помощи военным инвалидам было результатом указов 1814–1816 гг.²¹ — запоздалых для судьбы героя: «Ну, тогда еще не сделано было насчет раненых никаких, знаете, эдаких распоряжений; этот какой-нибудь инвалидный капитал был уже заведен, можете представить себе, в некотором роде, гораздо после» (V: 193).

²⁰ 2857. 3 мая 1829. Именной, данный Сенату. — О порядке производства дел по Министерству внутренних дел; Список должностям, замещаемым ранеными Штаб и Обер-Офицерами, по назначению Комитета 18 Августа 1814 года (ПСЗРИ 2. Т. 4. С. 296–302); 4406. 7 марта 1831. Именной, данный Сенату. — О порядке определения штаб- и обер-офицеров, состоящих в покровительстве комитета 18 августа 1814 года, на вакансии полицеймейстеров и городничих (ПСЗРИ 2. Т. 6. Отд. 1. С. 214); 4731. 30 июля 1831. Сенатский, по Высочайшему повелению. — О местах, на какие определяемы быть могут отставные от военной службы за ранами офицеры, находящиеся под покровительством комитета, учрежденного в 18 день августа 1814 года (ПСЗРИ 2. Т. 6. Отд. 1. С. 724–725).

²¹ 25.641. 17 августа 1814. Именной, данный управляющему Военным министерством [князю А.И. Горчакову]. — Об отсылке в сохранную казну Воспитательного дома доставляемых для раненых и для инвалидов денег [О «составлении инвалидного капитала»] (ПСЗРИ 1. Т. 32. С. 875–876); 25.642. 18 августа 1814. Высочайший приказ армиям. — Об учреждении особого комитета для вспомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб и обер-офицерам (ПСЗРИ 1. Т. 32. С. 876; учреждаемый этим указом комитет 18 августа 1814 г. передавал просьбы увечных лично государю); 25.932. 30 августа 1815. Именной, данный генералу от артиллерии графу Аракчееву. — Об отсылке денег, поступающих в пользу увечных, в Военное министерство для присоединения к прочему таковому же капиталу (ПСЗРИ 1. Т. 33. С. 274); 26.207. 23 марта 1816. Высочайше утвержденный доклад графа Аракчеева. — О способах к составлению капитала в пособие изувеченным в отечественную войну генералам, штаб и обер-офицерам (ПСЗРИ 1. Т. 33. С. 575–577).

2. Прототипы героев-чиновников Повести о ссоре и «Ревизора»

Помимо официальных указов, реальным комментарием к образу городничего в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» может служить изучение вопроса, который ранее тоже не ставился. Речь идет о прототипах героев этого произведения. Август-сентябрь 1832 г. — период, предшествовавший созданию повести, — Гоголь провел на родине в Васильевке. Судя по позднейшим свидетельствам, здесь он имел счастливую (для художника) возможность наблюдать в Миргороде сразу двух или даже трех реальных лиц, черты которых вскоре нашли отражение в его «малороссийской» повести.

Во-первых, Гоголь мог наблюдать в Миргороде реального городничего, получившего свою должность, как можно предположить, благодаря упомянутым указам. После 29 июня 1832 г.²² городничим в Миргороде был назначен поручик и кавалер²³ Семен Осипович Браилко²⁴ (служил до 1847 г.)²⁵. В 1951 г. В.В. Гиппиус и В.Л. Комарович указывали: «В недавнее время полтавским работником А.Н. Васильевой изучен архивный материал, связанный с процессом Миргородского городничего Браилко (30-е г. XIX в.). Данные процесса являются любопытным реальным комментарием к “Ревизору”»²⁶. Современный исследователь также отмечает: «В свое время велось криминальное расследование над действиями этого миргородского чиновника; целый том документов его дела начала 40-х годов XX века хранился в Полтавском областном архиве»²⁷.

Кроме Браилко, с которого Гоголь, вероятно, списывал образ своего героя, другим лицом, кого писатель летом 1832 г. имел возможность наблюдать в Миргороде в качестве прототипа Повести о ссоре, был миргородский судья (1831–1842) поручик Иван Антонович Янкевич²⁸. Он, по-видимому, стал в Повести о двух Иванах прототипом

²² См.: Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1833. СПб., [1833]. Ч. 2. С. 312, 316.

²³ 8 марта 1806 г. С.И. Браилко был пожалован орденом Св. Анны 4-й степени (Список кавалерам императорских российских орденов всех наименований на лето от Рождества Христова 1827. СПб., 1828. Ч. 3. С. 330).

²⁴ См.: Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1834. СПб., [1834]. Ч. 2. С. 324.

²⁵ См.: Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1847. СПб., [1847]. Ч. 2. С. 147.

²⁶ Гиппиус В.В., Комарович В.Л. Комментарии // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.] Т. 4. С. 541.

²⁷ Розсоха Л.О. Миргородщина козака і гоголівська. Київ: ТОВ «ВБ “Аванпост-прим”», 2009. С. 274.

²⁸ См.: Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1833. Ч. 2. С. 316.

уездного судьи Демьяна Демьяновича. По свидетельству Н.А. Трахимовского (внук крестного отца Гоголя М.М. Трахимовского), судья Янкевич впоследствии «не прощал» Гоголю «описания суда в повести о ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем»²⁹. В.А. Гиляровский, побывавший в гоголевских местах, свидетельствовал: «В Шишаке (местечко в Миргородском уезде. — *И.В.*) современница Гоголя, г-жа Е.П. Петрова, указала [...] на один интересный факт. Мать Гоголя, Марья Ивановна, приехала в Миргород по делу в поветовый (т. е. уездный. — *И.В.*) суд, после того уже, как появился рассказ об Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче. Миргородские чиновники были так злы на Гоголя, что Марье Ивановне, уважаемой помещице, не предложили сесть, и она простояла часа два, пока не получила нужную справку»³⁰.

Очевидно, неприязнь Янкевича к Гоголю началась после публикации в 1834 г. Повести о ссоре. Впервые же писатель упомянул миргородских судью и городничего как первых лиц города еще в 1831 г. в «Ночи перед Рождеством»: «Прежде, бывало, в Миргороде один судья да городничий хаживали зимою в крытых сукном тулупах...» (I/II: 170). Уездным судьей в Миргороде до 1830 г. был титулярный советник С.П. Григорович³¹, а городничим с 1821 по 29 декабря 1831 г. капитан К.П. Носенко³². Носенко был также знаком Гоголю и, по-видимому, тоже попал в его «галерею». В 1889 г. Гиляровский записал рассказ 75-летней уроженки Сорочинец Софьи Захаровны Королевой:

«Скажите, Ольга Захаровна, любили здесь Гоголя, после того как его произведения появились в печати?» — «Далеко не все. Кто попал к нему под перо, те не любили, вот как не любили! Особенно миргородские чиновники ненавидели: ведь весь “Ревизор” с них целиком списан». — «А вы помните тех лиц, с кого он писал?» — «Двоих лично знала: Городничий списан с миргородского городничего Носенка, а почтмейстер — с почтмейстера Мамчича. Умерли оба. — Смешной этот Носенко был: худой, длинный, чудака такой. А Мамчич — стари-

²⁹ *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 6. С. 83, 86.

³⁰ *Виноградов И.А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников: Полный систематический свод документальных свидетельств: Научно-критическое издание: В 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1. С. 358.

³¹ См.: Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1830. СПб., [1830]. Ч. 2. С. 300.

³² См.: Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1822. СПб., [1822]. Ч. 2. С. 307, 311; Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1832. СПб., [1832]. Ч. 2. С. 310, 313.

ком уж я его помню — бритый, седой, всё на клиросе пел. Все тогда себя узнали: портреты верные были»³³.

Капитан Кирилл Павлович Носенко ранее исполнял должность городничего в Золотоноше Полтавской губернии (1813–1820). Титулярный советник (с 1844 г. коллежский асессор) Игнатий Григорьевич Мамчич был миргородским почтмейстером в 1831–1845 гг.³⁴ Гоголь писал матери из Петербурга 22 ноября 1833 г.: «Жаль очень, что почтмейстер был так нагл, что распечатал письма... [...] ...Стороною предостерегите его; если он еще это сделает, то я буду жаловаться директору Почтового департамента [К.Я.] Булгакову...» (X: 229). Не ясно, имелся ли в виду под этим почтмейстером (вскрывающим письма так же, как почтмейстер Шпекин в «Ревизоре») миргородский чиновник И.Г. Мамчич. В других письмах к матери Гоголь дважды упоминал не о миргородском уездном, а о полтавском губернском почтмейстере: «Сделайте полтавскому почтмейстеру строгий допрос: где находится следуемая вам посылка, и почему он не дал вам знать тотчас по получении ее? Это дело такого рода, за которое сажают под суд» (X: 172–173; письмо от 8 декабря 1831 г.); «Скажите мошеннику полтавскому почтмейстеру, что я на днях, видевшись с кн[язем] [А.Н.] Голицыным³⁵, жаловался ему о неисправности почт. Он заметил это Булгакову...» (X: 175; письмо от 4 января 1832 г.). Полтавским почтмейстером, начальником над уездными почтмейстерами, в том числе над миргородским Мамчичем, был в 1811–1840 гг. коллежский советник Иван Александрович Ротмистров³⁶.

Принимая во внимание свидетельство Гиляровского о капитане Носенко и титулярном советнике Мамчиче как вероятных прототипах «Ревизора», отметим, что два других отмеченных реальных лица из миргородских служащих — поручики Браилко и Янкевич — сыграли почти одинаковую роль в создании образов чиновников в Повести о ссоре и в «Ревизоре». Черты городничего Браилко (вместе с чертами его предшественника Носенко) послужили Гоголю к созданию образа городничего Петра Федоровича (в Повести о ссоре) и городничего Антона Антоновича (в «Ревизоре»); судья Янкевич стал прототипом для судьи Демьяна Демьяновича (в повести) и судьи

³³ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 2. С. 405.

³⁴ Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1832. Ч. 1. С. 545; Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1844. СПб., [1844]. Ч. 1. С. 240; Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1845. СПб., [1845]. Ч. 1. С. 244.

³⁵ Начальник почтового департамента.

³⁶ Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1811. СПб., [1811]. Ч. 1. С. 268; Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1840. СПб., [1840]. Ч. 1. С. 704.

Аммоса Федоровича (в комедии). Генетическую связь между образами двух уездных судей Гоголь подчеркнул тем, что в «Ревизоре» сам Ляпкин-Тяпкин словно намеренно напоминает о той тяжбе, которая разгорелась между героями «малороссийской» повести о двух Иванах, о вражде между помещиками Довгочуном и Перерепенко. Как бы «проговариваясь», Ляпкин-Тяпкин признается Городничему: «У меня теперь завели тяжбу два помещика-соседа, и я теперь могу травить зайцев на землях и у того и у другого»³⁷.

Среди прототипов героев-чиновников Повести о ссоре можно указать на еще одно лицо, черты которого тоже могли дополнить гоголевскую картину. В конце декабря 1842 г. друг Гоголя А.С. Данилевский, передавая толки миргородских обывателей о «Мертвых душах», сообщал ему из Миргорода сведения о бывшем подкомории нижнего земского суда в Миргороде, штабс-капитане, помещике В.Я. Ломиковском: «Патриоты нашего уезда, питая к тебе непримиримую вражду, теперь благодарны уже за то, что ты пощадил Миргород. [...] ...Ты лучше поймешь, когда я скажу, что твой ласкатель и противник не кто таковский, как Василий Яковлевич Ламиковский» (XII: 171).

Чиновникам, состоящим, как Ломиковский, в должности подкомория, присваивалось потомственное дворянство. Эту должность Ломиковский, праправнук гетмана Даниила Апостола, исполнял в миргородском суде в 1828–1830 гг.³⁸, вступив в нее после 18 января 1828 г.³⁹ Следовательно, Гоголь мог наблюдать миргородского подкомория Ломиковского еще до отъезда в Петербург в декабре 1828 г. Ломиковский близко знал мать Гоголя и его самого. В частности, в письме к И. Р. Мартосу от 9 января 1830 г. он не без сарказма передавал известия о жизни Гоголя в Петербурге⁴⁰. Со своей стороны Гоголь, упоминая в «Ночи перед Рождеством» о том, как в Миргороде «один судья да городничий хаживали [...] в крытых сукном тулупах», добавлял: «...теперь же и заседатель и подкоморий отсмалили себе новые шубы...» (I/II: 170).

³⁷ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 4. С. 195. В окончательной редакции фраза выглядит следующим образом: «Ведь вы слышали, что Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и у другого» (III/IV: 227).

³⁸ См.: Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1829. СПб., [1829]. Ч. 2. С. 403; Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1830. Ч. 2. С. 300.

³⁹ См.: Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1828. СПб., [1828]. Ч. 2. С. 378, 382.

⁴⁰ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 2. С. 26–27.

Опираясь на воссозданную цепочку: отставной поручик Семен Осипович Браилко — отставной военный, миргородский городничий в «Повести...» Петр Федорович — уездный городничий в «Ревизоре» Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, — можно предположить, что последний был назначен на должность городничего по трем вышеупомянутым указам об отставных военных 1829 и 1831 гг. Во всяком случае Гоголь, создавая образ Сквозника-Дмухановского, держал в памяти эти указы (хотя бы уже потому, что городничий в Повести о соре был им вполне «обязан»). Более того. Ко времени работы Гоголя над «Ревизором» таких указов даже стало больше. К 1835 г. появились еще два новых, тоже отдававших предпочтение при назначении вакансий городничих бывшим боевым офицерам. Их содержание тоже нашло отражение в образе Сквозника-Дмухановского.

Два новых указа, с которыми герой «Ревизора», по воле автора, оказывается знаком, в свою очередь подчеркивали положение о прежней военной службе лиц, назначаемых на должность городничих⁴¹. На «фоне» этих указов честолюбивые чаяния Городничего содержат, опять-таки, намек на его военное прошлое. Городничий мечтает о генеральстве, о том, что Хлестаков, петербургский «жених» его дочери, может сделать для него «такое производство [...], что со временем и в генералы влезешь» (III/IV: 288). Ориентация Гоголя на правительственные указы при создании образов своих городничих (в повести и в комедии) говорит о том, что обстоятельствам служебной карьеры героев писатель придавал немаловажное значение.

Кроме предполагаемых миргородских прототипов героев-чиновников Повести о соре и «Ревизора» — городничего С.О. Браилко, судьбы И.А. Янкевича и подкомория В.Я. Ломиковского, — можно указать еще по крайней мере на двух лиц из того же близкого Гоголю малороссийского окружения, чертами которых писатель, вероятно, тоже пользовался при создании повести и комедии.

На протяжении десяти лет, с 1773 по 1783 г. писарем того же Миргородского уездного суда служил дед Марии Ивановны Гоголь, Матвей Васильевич Косяровский,⁴² с 1784 г. малороссийский полковой судья (умер в 1793 г.⁴³, до рождения Гоголя). Черты уездного

⁴¹ 8321. 19 июля 1835. Именной, объявленный Министру внутренних дел Военным министром. — О переименовании в военные чины тех только полицеймейстеров и городничих, кои в военной службе находились (ПСЗРИ 2. Т. 10. Отд. 1. С. 833–834); 8702. 22 декабря 1835. Именной, объявленный Министру внутренних дел Военным министром. — О зачислении по армии и кавалерии полицеймейстеров и городничих (ПСЗРИ 2. Т. 10. Отд. 2. С. 1241).

⁴² Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 1. С. 163, 165, 168–172.

⁴³ Там же. С. 186.

Миргорода и миргородского суда при создании образов чиновников в Повести о ссоре и в «Ревизоре» Гоголь мог, таким образом, почерпнуть также из рассказов матери о его прадеде М.В. Косяровском. К описанию секунд-майора Растаковского — служащего XVIII в. — это могло иметь самое прямое отношение, так как, согласно табели о рангах, чин полкового судьи (второго старшины в полку) точно соответствовал чину секунд-майора, или коллежского асессора. Мария Ивановна сообщала в своих мемуарах, что ее дед имел чин коллежского асессора⁴⁴.

Упоминание об участии секунд-майора Растаковского в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. позволяет также предположить, что прототипом этого «екатерининского» офицера явился для Гоголя не только его прадед со стороны матери, М.В. Косяровский, но и дед со стороны отца, Афанасий Демьянович Гоголь-Яновский (1738–1820). Этого деда, А. Д. Гоголя-Яновского, Гоголь знал лично. Что-то о деде, который умер, когда Гоголю исполнилось одиннадцать лет, будущий писатель мог узнать и из рассказов родных, а также по бумагам богатого родового архива, хранившегося в имении Гоголей. Как и Растаковский, дед Гоголя в чине полкового писаря (приравненного после преобразований 1782–1785 гг. к званию секунд-майора⁴⁵) участвовал в русско-турецких сражениях 1768–1774 гг. В вероятном избрании Гоголем своего деда — секунд-майора — в качестве прототипа секунд-майора Растаковского нет ничего невероятного хотя бы потому, что ранее, в 1834 г., тот же Афанасий Демьянович Гоголь-Яновский (женившийся в 1776 г. на дочери видного представителя малороссийской старшины С.С. Лизогуба) стал прообразом еще одного из гоголевских героев — помещика с военным прошлым, тоже отставного секунд-майора, Афанасия Ивановича Товстогуба в «Старосветских помещиках».

3. Отличительные черты «среднего» чиновника в произведениях Гоголя

Наблюдения о чинах и прототипах гоголевских героев позволяют, наконец, обратиться к непосредственному анализу добавочной сцены «Ревизора» «Хлестаков и Растаковский». Кроме Афанасия Ивановича Товстогуба в «Старосветских помещиках», можно указать на еще

⁴⁴ Там же. С. 174.

⁴⁵ См.: *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1870. С. 105. Чин секунд-майора Афанасий Демьянович получил в 1794 г. (*Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 1. С. 188).

целый ряд персонажей Гоголя, судьба которых представляет собой очевидную параллель к образу отставного офицера секунд-майора Растаковского.

Во-первых, уже по самому чину Растаковский является неким двойником Городничего. Звание секунд-майора, упраздненное в конце XVIII в., относилось к восьмому классу, т. е. соответствовало чину майора, или коллежского асессора. Согласно принятому в 1797 г. указу, всех секунд-майоров с той поры предписывалось «именовать [...] просто майорами»⁴⁶. Таким образом, Растаковский, будучи отставным военным, носит тот же чин, что и Сквозник-Дмухановский. Следовательно, при известных условиях и личном желании Растаковский, который в описании действующих лиц значится среди «отставных чиновников, почетных лиц в городе» (III/IV: 218), тоже мог быть назначен на должность городничего.

Во-вторых, просьба отставного офицера Растаковского к Хлестакову о «прибавочном пенсионе» (аналогичная надеждам Городничего на Хлестакова, в чаянии повышения) прямо повторяет похожее прошение о пенсионе инвалида войны 1812 года Копейкина. Будучи участником Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., Растаковский упоминает и о 1812 г.: «Сумятица была такая, как в том году, когда француз подступал под Москву» (III/IV: 309). Но в отличие от Копейкина Растаковский принадлежит другому веку и в своем прошении подразумевает правительственные распоряжения своего времени, а именно именной указ от 18 декабря 1797 г. «О прибавке пенсионной суммы, определяемой для удовлетворения находящихся в службе чинов»⁴⁷. В черновой редакции комедии герою принадлежала следующая реплика: «...Вот должно по пенсионным постановлениям прибавочного пенсиону мне получить. [...] Я [...] подавал просьбу [...] в 1801-м. Так вот уж тридцать лет, как никакой резолюции»⁴⁸. В окончательной редакции связь реплики героя с указом 1797 г. менее очевидна: «Должен получить прибавочного пенсионера... [...] Я [...] подавал просьбу [...] в тысяча восемьсот первом году; да вот уж тридцать лет нет никакой резолюции» (III/IV: 310).

Общие черты между отставными офицерами Растаковским и Копейкиным, в свою очередь, приводят к «узнаванию» еще одной

⁴⁶ 17.857. Февраль 1797. Указ из Военной Коллегии. — О неписании премьер- и секунд-майорских чинов как несуществующих уже и об именовании оных просто майорами (ПСЗРИ 1. Т. 24. С. 506).

⁴⁷ 18.276. 18 декабря 1797. Именной, данный Сенату. — О прибавке пенсионной суммы, определяемой для удовлетворения находящихся в службе чинов (ПСЗРИ 1. Т. 24. С. 845).

⁴⁸ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 4. С. 195.

черты Городничего, объединяющей его с другими гоголевскими героями-чиновниками. Так, генеральское «распеканье» капитана Копейкина, в ответ на его прошение, перекликается с похожим «распеканьем» «значительного лица», полученным Башмачкиным в «Шинели», тоже в ответ просьбу: «В жизнь свою он не был еще так сильно распечен генералом...» (III/IV: 140). Оба героя, вследствие такой жестокой острастки становятся разбойниками-мстителями. Находятся к тому же эти герои в одном чине: армейский чин капитана точно соответствовал гражданскому чину титулярного советника — «титулярный тот же капитан»⁴⁹.

Но похожего грозного «распеканья» с возможной отправкой «в Сибирь» (III/IV: 276) со страхом ожидает от «значительного лица» — «ревизора» Хлестакова, который «и в дворец ездит, и Государственный совет распекает» (III/IV: 264), — и «разбойник» Сквозник-Дмухановский. «Ну что, друг, — спрашивает он слугу Хлестакова, Осипа, — как твой барин?.. строг? любит этак распекать или нет?» (III/IV: 261). По словам Гоголя в «Предупреждении для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”» (1841)⁵⁰, Хлестаков, «будучи сам неоднократно распекаем, [...] должен мастерски изобразить [это] в речах: он почувствовал в это время особенное удовольствие распечь наконец и самому других, хотя в рассказах» (III/IV: 477).

Таким образом, персонаж сцены «Хлестаков и Растаковский» оказывается «сродни» сразу нескольким гоголевским героям. Во-первых (кроме героя «Старосветских помещиков»), — смиренному «титулярному советнику» Акакию Акакиевичу в «Шинели»; во-вторых, — увечному капитану Копейкину в «Мертвых душах»; в-третьих, — инвалиду-городничему Петру Федоровичу в Повести о ссоре; в-четвертых, наконец, — самому городничему Сквознику-Дмухановскому в «Ревизоре» (как чиновнику, обязанному своим назначением упомянутым указам об устройстве отставных офицеров). В целом эти смысловые переклички являются отражением общего представления Гоголя о гражданском и государственном организме как некоем коллективном *я*, или *мы*, составляющем «душевный город» «Ревизора» (III/IV: 492). Этот прообразовательный «город» отражает в себе не только собственно бюрократическую

⁴⁹ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. [Л.]: АН СССР, 1949. Т. 5 / Тексты и коммент. подготовили М.П. Алексеев, Н.И. Мордовченко, А.А. Назаревский, А.Л. Слонимский. С. 366.

⁵⁰ О новой датировке «Предупреждения...» см.: *Виноградов И.А.* Эволюция текста: авторский комментарий Н.В. Гоголя к поэтике комедии «Ревизор». С. 146–174.

машину государственного управления, но объединяет правительство и русское общество в целом: «Правительство состоит из нас же, — писал Гоголь в 1847 г. В.Г. Белинскому, — мы выслуживаемся и составляем правительство. Если же Правительство [сделалось [...]] огромные корпорации воров, [...] думаете, этого не знает никто из Рус[с]ких?...» (XIV: 386). «Мы все принадлежим Правительству, все почти служим...» — замечал также Гоголь еще в 1842 г. в «Театральном разъезде...» (III/IV: 444).

Согласно этому представлению о едином «душевном городе» Гоголь неизменно подчеркивал, что читателям и зрителям следует искать недостатки выведенных им героев прежде всего в самих себе (VI: 46, 54, 86, 95, 206, 253–254; XIV: 480). В этом заключается и собственно авторское значение знаменитой фразы Городничего, адресованной героем как бы самому себе — тем «разночинцам» и либералам, лицам, которые не исполняют «священнейшие законы Христа» (VI: 201): «Чему смеетесь? — Над собою смеетесь!..» (III/IV: 299). Критически оценивая проблемы государственного управления России, Гоголь смотрел на них не «снизу», а «сверху», как бы глазами высокопоставленного чиновника, болеющего о судьбах страны. Неудивительно, что содержание «Ревизора» встретило в 1836 г. понимание Николая I, разрешившего пьесу к постановке и печатанию⁵¹.

Подведем некоторые итоги. В своем творчестве Гоголь многократно затрагивал несколько наиболее характерных явлений, волновавших большинство его современников-чиновников. Благодаря этим общим чертам становится возможным воссоздать образ некоего коллективного, среднего служащего той эпохи, каким он виделся Гоголю.

Во-первых, в своих произведениях Гоголь часто обращается к теме университетского барьера в продвижении чиновников по служебной лестнице. Эта черта одинаково значима для майора Ковалева в повести «Нос» и «ничтожных» титулярных советников Поприщина и Башмачкина в «Записках сумасшедшего» и «Шинели». Во-вторых, столь распространенной чертой является связь служащих и оставивших службу чиновников с указами об отставных военных 1797, 1829, 1831 и 1835 гг. На эту черту Гоголь указывает в образах четырех героев своих произведений: миргородского городничего «из рядовых», с простреленной на войне ногой, Петра Федоровича (в Повести о соре); уездного Городничего (в «Ревизоре»); отставно-

⁵¹ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 2. С. 492–494.

го майора Растаковского (в отдельной сцене к «Ревизору»); военного инвалида капитана Копейкина (в «Мертвых душах»). Эта общая черта говорит, помимо прочего, о том, что Городничий «Ревизора» тоже мог быть участником боевых действий, отличиться в своей служебной карьере в какой-либо из упоминаемых войн 1768–1774, 1807 и 1812 гг. В-третьих, общей для многих гоголевских героев является тема начальственного «распеканья»: эта тема важна для судьбы Башмачкина, Копейкина, Хлестакова, Сквозника-Дмухановского. В-четвертых, столь же общим поучительным уроком для современников стал изображенный в «Шинели» и в «Мертвых душах» противоправительственный бунт Башмачкина и Копейкина, а также очевидная измена Городничего, бывшего защитника Отечества, ставшего «плутом» и «разбойником», — государственным интересам и самому государю.

Чтобы обозначить заключительную, пятую общую черту героев-чиновников Гоголя, следует вначале отметить, что судьба участника Отечественной войны «бунтовщика» Копейкина была для Гоголя неким подобием участи декабристов — бесстрашных русских офицеров, героев войны 1812 года, ставших спустя несколько лет участниками политического заговора (о чем, конечно же, Гоголь не мог писать открыто). На этот подтекст указывает в «Повести о капитане Копейкине» характерное замечание героя, определенного «распекающим» петербургским генералом для препровождения «на место жительства»: «...по крайней мере не нужно платить прогонов» (V: 198). Прогоны — это установленная плата за проезд на казенных почтовых лошадях. Существовал указ от 13 июля 1826 г. «О выдавании прогонов на одну лошадь арестантам из дворян и отставным офицерам, не имеющим состояния, при пересылке их под караулом»⁵². В «Полном собрании законов Российской империи» этот указ следует за именованным указом по делу о декабристах и манифестом «О совершении приговора над государственными преступниками»⁵³, которые датированы тем же числом (в этот же день приговор по делу о декабристах был приведен в исполнение).

⁵² 466. 13 июля 1826. Сенатский. — О выдавании прогонов на одну лошадь арестантам из дворян и отставным офицерам, не имеющим состояния, при пересылке их под караулом (ПСЗРИ 2. Т. 1. С. 774).

⁵³ 464. 13 июля 1826. Именной, объявленный из Сената. — О государственных преступниках, осужденных к разным казням и наказаниям; Доклад Верховного уголовного суда (ПСЗРИ 2. Т. 1. С. 753—772); 465. 13 июля 1826. Манифест. О совершении приговора над государственными преступниками (ПСЗРИ 2. Т. 1. С. 772—774).

С этой декабристской, противоправительственной составляющей в образе Копейкина как раз и связана последняя — пятая — общая черта в характерах помянутых «родственных» между собой героев: Копейкина, Поприщина, Ковалева, Башмачника. Всех их, помимо прочего, объединяют еще и одинаковые любовные похождения, в частности, предосудительное поведение героев на Невском проспекте.

Загронутая декабристская тема здесь совсем не посторонняя, она имеет к этой черте гоголевских героев самое прямое отношение. Противоправительственной, по Гоголю, была не только политическая деятельность декабристов, но и их частная жизнь, которая порой однозначно попадала в разряд тех преступлений, с которыми правительство вело неустанную борьбу при помощи многочисленных указов о распутстве⁵⁴.

Тему декабризма Гоголь поднимал не только в «Мертвых душах», но и, гораздо ранее, в драматических «Сценах из светской жизни» (опубликованы в 1842 г. под названием «Отрывок»; составлены Гоголем из его незавершенной комедии 1832–1834 гг. «Владимир 3-й степени»). Именно в «Сценах из светской жизни» Гоголь заключил свои представления об одинаково преступном поведении декабристов во всех сферах жизни — как в политике, так и в частном быту. Герой «Отрывка» замечает о декабристах как о «пятьдесят русских пустых головах, воспитанных на французскую ногу»⁵⁵, а его мать, светская дама Марья Александровна, упрекая сына в либерализме, замечает: «Перестань либеральничать. [Это всё масонские правила. Это всё от Рылеевских стихов]»⁵⁶. Из дальнейших слов героини Марьи Александровны: «Влюбился в потаскушку, дочь какого-нибудь фурьера, которая занимается, может, публичным ремеслом»⁵⁷, — явствует, что под «Рылеевскими стихами» она разумеет не только и не столько «гражданскую» лирику поэта-декабриста, но и его известные, хотя и не публиковавшиеся непристойные стихи на тему «хождения к девкам»: «К Лачинову» (1818), «Заблуждение» (1820), «Нечаянное счастье» (1820 или 1821) и др.

Вполне похожий «либерализм» в отношении к христианским заповедям, «законам Христа» (VI: 201) являет еще один из многочисленных «оппозиционных» героев Гоголя, нерадивый воспитанник

⁵⁴ См. сводные указатели указов о распутстве 1649–1819 и 1829–1841 гг.: ПСЗРИ I. Т. 42. Ч. 1. С. 112–113; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. Т. 3. С. 386.

⁵⁵ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 5. С. 126.

⁵⁶ Там же. С. 126, 369.

⁵⁷ Там же. С. 129.

Киевской семинарии бурсак Хома Брут в повести «Вий», который «ходил к булочнице против самого страстного четверга» (I/II: 431). Римский «стоик», гроза «тиранов» Брут — излюбленный герой декабриста К.Ф. Рылеева. Ирония Гоголя, заключенная в осмыслении этой темы, направлена на очевидное противоречие, заключающееся в том, что, несмотря на свои «стоические» убеждения, свойственные Рылееву как римскому Бруту, ведет себя поэтическое alter ego декабриста отнюдь не стоически. По-видимому, Гоголь, изображая в «Вии» любовные похождения не завершившего своего духовного образования бурсака Хома Брута, прямо имел в виду псевдо-стоицизм современного «тираноборца Брута» — Рылеева. Помимо этого прототипа Хома Брута, прообразом распутного бурсака является также в творчестве Гоголя недоучившийся «стоик»-семинарист Иван Осипович в повести «Страшный кабан» — духовный «недоросль», «убоявшийся бездны премудрости» (VII: 52)⁵⁸.

«Свободолюбие» декабриста Рылеева и его непристойные стихи «К Лачинову», «Заблуждение» и др. оказываются, таким образом, в самой тесной связи с преследованием на Невском проспекте будущими «бунтовщиками» Копейкиным и Башмачкиным дам легкого поведения: «Акакий Акакиевич [...] даже подбежал было вдруг, неизвестно почему, за какую-то дамою, которая, как молния, прошла мимо и у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения» (III/IV: 134); «На тротуаре, видит, идет какая-то стройная англичанка, как лебедь, можете себе представить эдакой. Мой Копейкин — кровь-то, знаете, разыгралась в нем — побежал было за ней на своей деревяшке, трюх-трюх следом — “да нет, подумал, пусть после, когда получу пенсион, теперь уж я что-то расходился слишком”» (IV: 195). Этим похождениям героев вполне соответствуют фривольные воспоминания секунд-майора Растаковского в «Ревизоре» — персонажа, на первый взгляд, столь же «смирненного», как Акакий Акакиевич. Эти воспоминания содержатся в реплике Растаковского о «квартирмистере» Трепакине: «Хлопнет, бывало, рукою и отобьет пару у самого полковника, [...] и как только заглянешь к нему в палатку... хе, хе, хе... там уж сидит, и наутро денщик выводит, как будто драгуна, в треугольной шляпе... хе, хе, хе...» (III/IV: 309).

Как уже отмечалось, Растаковский, будучи отставным военным в майорском чине, согласно действовавшему указам, при желании мог стать городничим. Теперь эта догадка получает еще одно подтверж-

⁵⁸ См.: *Виноградов И.А.* «Огорченные люди» в творчестве Н.В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 4. С. 89.

дение. Гоголь, очевидно, прямо позаимствовал интерес Растаковского как потенциального городничего к щекотливой теме из своей написанной ранее Повести о ссоре, взяв эту черту от городничего Петра Федоровича. И тот, и другой одинаково упоминают о давних военных кампаниях и одинаково предаются при этом воспоминаниям о случившихся тогда любовных историях. Растаковский делает это, характеризуя Трепакина; городничий Петр Федорович — в рассказе о самом себе: «"...Во время кампании тысяча восемьсот седьмого года... Ах, я вам расскажу, каким манером я перелез через забор к одной хорошенькой немке". — При этом городничий зажмурил один глаз и сделал бесовски плутовскую улыбку» (I/II: 480).

В самом «Ревизоре» тема любовных походов возникает не раз. В частности, она проявляется в двух эпизодах. Во-первых, в разговоре Хлестакова с зрителем училищ; этот разговор характеризует самого Хлестакова: «Вот еще насчет женского полу, никак не могу быть равнодушен» (III/IV: 269); «...в вечеру если пойдешь по Невскому проспекту, много встретишь хорошеньких»⁵⁹. Во-вторых, в сплетнях, сообщаемых Хлестакову попечителем богоугодных заведений: «Судья [...] — поведения самого предосудительного. [...] ...Как только [...] Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж и сидит у жены его...» (III/IV: 270). Об отношении к подобным историям «плута» Городничего остается только догадываться. Однако некое представление о его прошлых похождениях (окончившихся женитьбой), вероятно, все-таки можно составить. Достаточно обратить внимание на поведение его жены — «провинциальной кокетки» (III/IV: 219), грезящей о романтических любовных приключениях. Именно эта черта героини была подчеркнута Гоголем в упомянутой отдельной сцене «Анна Андреевна и Марья Антоновна», которую в качестве приложения к «Ревизору» он напечатал в 1841 г. вместе с отрывком «Хлестаков и Растаковский». В черновике этой сцены героиня, словно повторяя признания городничего из Повести о ссоре, «каким манером» он «перелез через забор к одной хорошенькой немке», рассказывает, как до замужества к ней в дом пробрался, в «преогромном куле с перепелками»⁶⁰, влюбленный поручик. Таким образом, сцены «Анна Андреевна и Марья Антоновна» и «Хлестаков и Растаковский», в которых Городничий даже не упомянут, тем не менее одинаково служат именно к его характеристике — как главного чиновника «Ревизора». Происходит это как бы по принципу отражения, о котором Гоголь упоминал в «Мертвых душах»: «Стол,

⁵⁹ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 4. С. 191.

⁶⁰ Там же. С. 174.

кресла, стулья — всё было самого тяжелого и беспокойного свойства, — словом, каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: “И я тоже Собакевич!” или: “И я тоже очень похож на Собакевича!”» (V: 94). Подобным образом не только жену Добчинского, но и самого этого помещика характеризует его просьба к Хлестакову узаконить добрачного ребенка.

Наряду с обличением кокетства, другой целью писателя в сцене «Анна Андреевна и Марья Антоновна» было подчеркнуть пристрастие жены Городничего к роскоши — с этим явлением правительство боролось не менее последовательно⁶¹, чем с взяточничеством и распутством. Мотив роскоши в сравнительно небольшой сцене «Анна Андреевна и Марья Антоновна» встречается четырежды: к нему относятся высказанное героиней дочери опасение, что гость застанет их «одетыми Бог знает как» (III/IV: 308); упоминания о полковнице, выписывавшей «всё платье из Москвы», о воротничках рубашки штаб-ротмистра Ставрокопытова («...батист такой, какого никогда еще купцы не подносили нам»), о «тюлевой пелеринке, вышитой виноградными листьями с колосками» (III/IV: 307). Согласно таможенному тарифу, дорогостоящие привозные «пелерины из тюля с шитьем» и изделия из батиста облагались высокими пошлинами⁶². Мечтая о петербургской жизни, Анна Андреевна замечает: «Как, должно быть, там весело. Везде, говорят, в магазинах, все самые модные вещи»⁶³. Прямым комментарием на этот счет является в черновой редакции комедии реплика Осипа о столичных магазинах: «В магазине что пуговица, то и пять рублей»⁶⁴. Стремление героини к роскоши Гоголь подчеркивал и во вступительной заметке к комедии «Характеры и костюмы», отмечая ее страсть к нарядам: «Она четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пьесы» (III/IV: 307). На это же пристрастие жены Городничего указывает роскошная мебель красного дерева в ее доме (об этом свидетельствует монтировка первой постановки «Ревизора» на сцене Александринского театра; VII: 615). Согласно Гоголю, многие из «просвещенных потребностей» Анны Андреевны удовлетворяются прямо за счет взяток ее мужа. Позднее, размышляя над этим в «Переписке с друзь-

⁶¹ См. сводные указатели указов о «роскоши, расточительности и мотовстве» 1775–1825 и 1827–1839 гг.: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2. С. 836; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской империи. Т. 3. С. 445.

⁶² 6624. 12 декабря 1833. Общий тариф для всех портовых и пограничных таможен Российской империи по европейской торговле (ПСЗРИ 2. Т. 8. Отд. 2. С. 340, 356, 342).

⁶³ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 4. С. 232.

⁶⁴ Там же. С. 157.

ями» в масштабах не только отдельного города, но и целой России, Гоголь в статье «Что такое губернаторша» писал: «Гоните эту гадкую скверную роскошь, эту язву России, источницу взяток, несправедливостей и всех мерзостей, какие у нас есть» (VI: 98). А в статье «Женщина в свете» замечал: «Большая часть взяток, несправедливостей по службе и тому подобного, в чем обвиняют наших чиновников и нечиновников всех классов, произошла [...] от расточительности их жен...» (VI: 14).

Единая цель сцен «Анна Андреевна и Марья Антоновна» и «Хлестаков и Растаковский» — полнее охарактеризовать Городничего, вероятно, и объясняет, почему Гоголь решил напечатать их вместе, одну за другой, в 1841 г., не для постановки, а для разъясняющего чтения, под общим названием «Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы».

Возвращаясь к характеристике пятой, заключительной черты «среднего» гоголевского чиновника, напомним также о любовных похождениях помещика с военным прошлым, отставного «секунд-майора» Афанасия Ивановича Товстогуба в «Старосветских помещиках», роднящих его с капитаном Копейкиным, титулярными советниками Поприщиным и Башмачкиным, майорами Ковалевым и Растаковским (общность героев проявляется еще и в том, что, напомним, прототипом Товстогуба и Растаковского мог послужить Гоголю его дед А. Д. Гоголь-Яновский). Для характеристики майора Товстогуба имеет значение упоминание в «Старосветских помещиках» о том, что «не проходило нескольких месяцев», чтобы у какой-нибудь из дворовых девушек в имении «стан не делался гораздо полнее обыкновенного» (I/II: 285). Для майора Ковалева столь же значимым является адресованное ему замечание полицейского пристава о том, что «у порядочного человека не оторвут носа и что много есть на свете всяких майоров, которые [...] таскаются по всяким непристойным местам» (III/IV: 53). В этих словах прямо угадывается предписание Полицейского устава «всем и каждому» «в дом, открытый днем и ночью ради непотребств» не входить⁶⁵.

Очевидно, что как нерадивый, распутный семинарист Хома Брут недостойн духовного звания, так же во многом недостойны носить дворянское звание и ворующие, «бунтующие» чиновники, герои, мечтающие о роскоши, завсегдатаи ночного Невского проспекта и «отвратительных» домов в Литейной и Мещанской (III/IV: 17, 19,

⁶⁵ 15.379. 8 апреля 1782. Устав благочиния или полицейский (ПСЗРИ 1. Т. 21: 480).

31, 81)⁶⁶, — не исполняющие высокий долг перед государем и Отечеством (даже если кто-то из них формально и числится в дворянском сословии). «Коли служить, так служи», — рассуждает по этому поводу Осип (III/IV). «А за девчонками не бегай», — добавлял он в черновой редакции⁶⁷. Нерадивый «титularный советник», неуемный честолюбец и сластолюбец Поприщин в «Записках сумасшедшего» заявляет: «Я разве из каких-нибудь разночинцев, из портных или из унтер-офицерских детей? Я дворянин» (III/IV: 162). Однако, по Гоголю, Поприщин на самом деле звания дворянина не достоин: по своим качествам он может быть причислен именно к «разночинцам». Затрагивая эту тему в «Выбранных местах из переписки с друзьями», в статье «Занимающему важное место», Гоголь писал, что в последнее время «бесчестные плуты, продавцы правосудья и грабители, [...] как вороны, налетели [...] ловить свою презренную выгоду», и что долг настоящих дворян состоит в том, чтобы «великодушно стать теперь на неприманчивые места и должности, опозоренные низкими разночинцами» (VI: 148).

Эти строки, в свою очередь, добавляют новую черту к «послужному списку» Городничего. Чин коллежского асессора, который носит Сквозник-Дмухановский, давал чиновникам, согласно петровской «Табели о рангах», право на дворянство, «хотя б они и низкой породы были»⁶⁸. Этот чин Городничий, обходя университетский экзамен, получил либо за военную службу, либо за статскую — на Кавказе. В последнем случае можно предположить, что герой принадлежит именно к числу дворян, «нарожденных указом» 1803 г. (по позднейшему выражению Случевского). Потомственным дворянином он в любом случае, очевидно, не является.

Чтобы исчислить все способы и обстоятельства, пользуясь которыми Сквозник-Дмухановский мог получить чин коллежского асессора (и личное дворянство), следует добавить, что дополнительную возможность обрести это звание без экзамена предоставлял еще правительственный указ от 22 августа 1826 г. по случаю коронавания императора Николая I «О одновременном производстве в 8-й и 5-й классы чиновников, состоящих в восьмиклассных и пятиклассных должностях и выслуживших по 22 августа 1826 узаконенные в на-

⁶⁶ См. также: *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 2. С. 344.

⁶⁷ *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 4. С. 157.

⁶⁸ 3890. 24 января 1722. Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был (ПСЗРИ 1. Т. 6. С. 491).

стоящих чинах сроки»⁶⁹, который, несомненно, был тоже известен Гоголю. Согласно этому постановлению, указ 1809 г. (которым было «преграждено дальнейшее производство в чины» для служащих, не прошедших университетского курса), одновременно, в ознаменование расположения государя к своим подданным, на данную категорию чиновников не распространялся. По этому исключительному, обусловленному торжествами указу целый ряд служащих был произведен тогда «из 9-го в 8-й класс, или из титулярных советников в коллежские асессоры». Получение чина Сквозником-Дмухановским по указу 1826 г. в принципе возможно, однако, чтобы попасть под действие этого указа, ему, будучи еще в девятиклассном чине — титулярного советника, надо было уже занимать «осьмиклассную», т. е. более высокую должность городничего. Тем не менее и такой путь был не невозможен для героя «Ревизора». Например, городничий К.П. Носенко получил должность городничего, состоя в капитанском (девятиклассном) чине, а С. И. Браилко — даже в еще более низком поручичьем звании.

4. «Пограничный» статус Городничего

Гоголь намеренно избирал в свои герои служащих, которые находятся в чинах пограничных, составляющих рубеж между дворянством и недворянством (разночинством) — между титулярным советником (или капитаном) и коллежским асессором (майором, секунд-майором). Это позволяло писателю затронуть наиболее острый круг проблем, волновавших тогдашних чиновников и характеризующих их в зависимости от служебного положения и принадлежности к дворянскому сословию.

Еще более уточнить социальный статус Городничего позволяют данные самой комедии. Они тоже указывают на некий пограничный характер его положения. Сквозник-Дмухановский начал «тяжелую службу с низших чинов» (III/IV: 219). Это следует из вступительной заметки к пьесе «Характеры и костюмы. Замечания для гг. актеров». Жена Городничего Анна Андреевна говорит о супруге, что он «простой человек, никогда не видел порядочных людей» (III/IV: 287). О дворянах сам он отзывается так, что возникает вопрос, состоит ли он в дворянстве (хотя чин коллежского асессора давал ему право

⁶⁹ 539. 22 августа 1826. Именной, данный Сенату. — О одновременном производстве в 8-й и 5-й классы чиновников, состоящих в осьмиклассных и пятиклассных должностях и выслуживших по 22 августа 1826 узаконенные в настоящих чинах сроки (ПСЗРИ 2. Т. 1. С. 890–891).

на вступление в дворянское сословие). Во всяком случае реплику о дворянине, обращенную к купцам, Сквозник-Дмухановский произносит не как потомственный дворянин, а отстраненно, рассуждая о дворянстве как о сословии, к которому сам смолоду не принадлежал: «Да дворянин... ах ты, рожа! — дворянин учится наукам: его хоть и секут в школе, да за дело, чтоб он знал полезное» (III/IV: 289). В то же время частный пристав обращается к нему: «ваше высокоблагородие» (III/IV: 292)⁷⁰. Такое именование прямо показывает, что чин коллежского асессора (или майора) Городничий имеет: титуловать «вашим высокоблагородием» полагалось лиц в чинах, начиная с восьмого класса, т. е. именно с асессора и майора. В черновой редакции комедии Анна Андреевна, отвечая на предложение Хлестакова, сделанное дочери, тоже замечает: «Как можно, чтобы мы, простые дворяне, могли удостоиться такой чести!...»⁷¹ (слова о «простых дворянах» в окончательный текст не вошли).

Таким образом в обозначении статуса Городничего тоже возникает некая двойственность: он одновременно и дворянин, и не дворянин (не потомственный дворянин), и разночинец, и не разночинец, и военный, и статский (вероятнее всего, отставной военный на гражданской службе). Данная характеристика подобна той, какую Гоголь дал Чичикову: «не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок» (V: 9). Эта излюбленная Гоголем пограничная двойственность ярко выразилась в комической реплике Хлестакова в первоначальной редакции комедии: «На мне небольшой чин. Уж никак не больше коллежского асессора, даже немножко меньше» (VII: 414). В окончательной редакции фраза приобрела более простой, но не менее многозначительный вид: «Хотели было даже меня коллежским асессором сделать, да, думаю, зачем» (III/IV: 255). Гоголь как художник особенно ценил указанную двойственность. Переходные ситуации были для писателя неким «пробным камнем», позволявшим отчетливее обозначить характеры персонажей.

К такому выводу подводит общая, итоговая оценка Гоголем героев его комедии. По-видимому, цитированные выше строки Гоголя в «Переписке с друзьями» о «низких разночинцах», опозоривших свою должность, — это прямой комментарий автора к главному чиновнику «Ревизора» — Городничему (хоть формально он, судя по всему, все-таки имеет полученный за долгую службу личный дворянский статус).

⁷⁰ См. в первоначальной редакции: *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 4. С. 152, 154.

⁷¹ Там же. С. 206.

Если обратиться к другим героям Гоголя, провинциальным чиновникам «Ревизора», то можно обнаружить в их характеристиках такие же пограничные колебания между дворянством и недворянством (разночинством), между титулярными советниками и последующими, более значимыми, «дворянскими» чинами.

Судья Ляпкин-Тяпкин — коллежский асессор (как и Сквозник-Дмухановский). Два других героя, Земляника, попечитель богоугодных заведений, и Шпекин, почтмейстер, — надворные советники, т. е. оба носят чин даже более высокого, седьмого класса, выше, чем у Городничего, «главы города»⁷², что тоже немаловажно. Напротив, смотритель училищ Хлопов чином ниже Сквозника-Дмухановского — он только титулярный советник. О чине лекаря Гибнера не сообщается, но в зависимости от выслуги лет он мог быть либо титулярным советником, либо коллежским асессором⁷³. Последние двое, Хлопов и Гибнер, очевидно, единственные служащие в комедии, о которых с формальной точки зрения только и можно говорить как о «разночинцах».

Таким образом, собственно разночинцами, недворянами из главных чиновников «Ревизора» могут быть названы лишь двое — смотритель училищ и лекарь. Однако разночинная составляющая оказывается для всех служащих решающей. Разночинные корни и соответствующее разночинное, т. е. недостойное дворянина, поведение «плута» Сквозника-Дмухановского, как «первенствующего лица»⁷⁴ в городе, оказывают определяющее влияние на всех других — даже стоящих выше Городничего по чину дворян.

5. Характер сатиры Гоголя

Становится очевидным, что обличает Гоголь в своей комедии исключительно недворянское, «разночинное» поведение героев, даже если большая их часть относится к дворянству. Невзирая на то, каким путем получил Сквозник-Дмухановский свой асессорский чин (даже если предположить невозможное — что Антон Антонович посещал университет и сдавал где-то университетский экзамен), независимо от того, состоит или не состоит этот герой в дворянском звании, к числу подлинно благородных людей, составляющих русское дворянство, он как взяточник и казнокрад однозначно не относится. По

⁷² Там же. С. 144.

⁷³ См. 7118. 24 мая 1834. Высочайше утвержденное положение о классах медиков, ветеринаров и фармацевтиков и о производстве их в чины (ПСЗРИ 2. Т. 9. Отд. 1. С. 400).

⁷⁴ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 4. С. 151.

оценке самого Гоголя, Городничий остается «низким разночинцем», скомпрометировавшим свою должность, «опозорившим [...] святыню своего званья и места (все места святы)» (VI: 80). Должность эту он, судя по предполагаемому послужному списку, получил благодаря заботам правительства об отставных военных.

В изучении характера гоголевской «сатиры» немаловажное значение имеет вопрос об отношении взглядов писателя как уроженца Украины к его «имперскому» сознанию, к осмыслению общероссийских проблем. Вопрос этот не только не изучен, но даже не ставился. Органичное сочетание в родственной проблематике двух произведений Гоголя: Повести о ссоре и «Ревизора» — «малороссийской» и «великороссийской» составляющих позволяет в значительной степени осветить этот немаловажный аспект в творчестве писателя. Изучение «послужного списка» Городничего здесь, в свою очередь, оказывает существенную помощь. Как уже отмечалось выше, из тех, кто получал асессорский, необходимый для получения дворянства и городничества, чин на Кавказе, служить в Грузии оставалось немногие. Они либо возвращались на родину, либо в поисках выгодной должности отправлялись в Петербург (как майор Ковалев в повести «Нос»). Указ 1803 г., обеспечивший, после выхода в свет указа 1809 г., возможность безэкзаменационного получения чина коллежского асессора на Кавказе, касался прежде всего уроженцев южных губерний, в том числе Полтавской, родной для Гоголя. Не подлежащая сомнению любовь Гоголя к родному краю не помешала писателю быть объективным в оценке отдельных представителей Украины. Имея в виду недостойных чиновников из своих земляков, Гоголь еще в 1834 г. писал о них именно как о «низких разночинцах». В «Старосветских помещиках», говоря о благородном достоинстве «всех малороссийских старинных и коренных фамилий», он одновременно обличал «низких малороссиян, которые выдираются из дегтярей, торгашей, наполняют, как саранча, палаты и присутственные места, дерут последнюю копейку с своих же земляков» и «наводняют Петербург ябедниками» (I/II: 282–283). Кстати заметить, один из соучеников Гоголя по Нежинской гимназии Е.П. Гребенка, приехавший в Петербург в конце 1833 г., в письме к школьному другу Н.М. Новицкому свидетельствовал: «Петербург есть колония образованных малороссиян. Все присутственные места, все академии, все университеты наводнены земляками...»⁷⁵

⁷⁵ Гребінка Е.П. Твори: У 3 т. Київ: Наукова думка, 1981. Т. 3 / Упорядкування і примітки І.О. Лучник, А.М. Полотай. С. 566–567.

Когда А.С. Хомяков говорил после смерти писателя в 1859 г., что Гоголь, «искренний коренной малоросс», явивший «в первых своих творениях» «глубокою и простодушную любовь» к Малороссии, был «в иных отношениях [...] к нам, великоруссам»⁷⁶, — он серьезно ошибался. Хомяков полагал, что «любовь» Гоголя к Великороссии «была уже отвлеченнее», чем любовь к Украине, что «она была более требовательна, но менее ясновидяща»: «Она выражалась характером отрицания, комизма...»⁷⁷

Вопреки этому факты говорят о другом. Вполне очевидно, что своих земляков Гоголь обличал не менее сурово, чем жителей Великороссии. Имеются многочисленные свидетельства о том, что прообразами гоголевских «сатирических» типов, даже в произведениях «общероссийского» характера, часто становились именно его земляки. В 1901 г. исследователь украинской культуры В.А. Чаговец свидетельствовал: «Многие боялись попасть в [...] чудную кунсткамеру гоголевских типов, но лучшие экземпляры не избежали этой участи, и в произведениях Н[иколая] В[асильевича] в свое время можно было узнать много современников. Недаром Полтава так недружелюбно относилась к творцу Ревизора и Мертвых душ»⁷⁸. Еще в 1843 г. В.С. Аксакова писала родственнице: «Малороссияне вообще, а особенно в Миргороде, разумеется, терпеть не могут Гоголя за то, что он их вывел в смешном виде, и говорят, что и “Мерт[вые] души” писаны на них же»⁷⁹. В.А. Гиляровский в 1901 г., тоже имея в виду героев «Мертвых душ», указывал: «Оказывается, и посейчас Украина кишит типами, встречающимися в произведениях писателя»⁸⁰. Опираясь на свидетельство С. З. Королевой, Гиляровский отмечал и то, что в Миргороде были «целиком, с натуры, были списаны действующие лица “Ревизора”»⁸¹. Д.А. Пахомов в 1909 г. писал, что те типы «провинциальных помещиков и чиновников», которые Гоголь вывел в «Мертвых душах» и «Ревизоре», будущий писатель подсмотрел «как в доме отца, так и одного богатого родственника Трощинского»⁸². Пахомов утверждал: «Собакевич, Ноздрев, Плюш-

⁷⁶ Хомяков А.С. Речь по случаю возобновления публичных заседаний Общества [любителей российской словесности], читанная председателем в публичном заседании, марта 26, 1859 г. // Русская беседа. 1860. № 1. С. 15.

⁷⁷ Там же. С. 16.

⁷⁸ Виноградов И.А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 222.

⁷⁹ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 4. С. 123.

⁸⁰ Виноградов И.А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 346.

⁸¹ Там же. С. 347.

⁸² Там же. С. 406.

кин, Коробочка, Сквозник-Дмухановский, Земляника, Тяпкин-Лапкин, — всё это действительно существовавшие лица, обработанные гениальным творчеством Гоголя в бессмертные типы»⁸³. Друг Гоголя с семилетнего возраста А.С. Данилевский указывал, что в характеристике помещика, живущего, в противоположность Плюшкину, во всю ширину русской удали и барства (в шестой главе «Мертвых душ»), «нельзя не узнать так близко знакомого Гоголю в детстве Д.Пр. Трощинского»⁸⁴. Кстати отметить, что в «Ревизоре» в просьбе отставного чиновника Коробкина к Городничему, собирающемуся в Петербург, можно вполне усмотреть отголосок просьбы, обращенной в 1828 г. овдовевшей матерью Гоголя к упомянутому влиятельному родственнику Д.П. Трощинскому написать в Петербург рекомендательное письмо для сына: «В следующем году повезу сынка в столицу на пользу государства, так сделайте милость, окажите ему вашу протекцию, место отца заступите сиротке» (III/IV: 294).

Сама афера с закладом в казну «мертвых душ», изображенная в гоголевской поэме, имеет отчетливые малороссийские корни. Об этом свидетельствуют письмо отца Гоголя, Василия Афанасьевича, к Д.П. Трощинскому от середины 1810-х гг.; указание школьного приятеля Гоголя П.И. Мартоса; материалы, собранные В.А. Гиляровским⁸⁵. Н.И. Савич (приятель Т.Г. Шевченко), встречавшийся с Гоголем в Одессе в 1850 г., говорил даже, что «сам лично знал тех лиц в Полтавщине, с кого Гоголь нарисовал Чичикова, Коробочку и другие свои типы»: «Чичиков [...] — это был предводитель дворянства в Полтавском уезде, скупал у разных помещиков мертвые души и заложил в Опекунский совет... Коробочка — была в Зеньковском уезде, а также и в Миргородском»⁸⁶.

Согласно черновой редакции «Ревизора», герой комедии Хлестаков был родом из «Екатеринославской губернии». Замечание в этой редакции его слуги Осипа, что от дороги между Петербургом и родовым имением барина осталось «всего треть верстов» («треть верст»), указывает, что само действие комедии разворачивается ближе к югу России — южнее Тулы, где Хлестакова обыграл пехотный капитан⁸⁷, т. е. в Орловской или Курской губерниях — в одном из

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. С. 499.

⁸⁵ *Виноградов И.А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 6, 548, 346, 360–361.

⁸⁶ *Виноградов И.А.* Н.В. Гоголь в Одессе. Забытые свидетельства современников (письмо протоиерея Анатолия Корочанского и воспоминания Н.И. Савича) // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 411–412.

⁸⁷ См.: *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. Т. 4. С. 150, 164, 271, 155, 260, 155.

трех уездных городов этих мест, через которые проходил почтовый тракт, в Мценске, Обояни или Белгороде⁸⁸. В 1835 г. городничие были только в двух последних городах: майор А.П. Муха в Обояни, и лейб-гвардии поручик А.И. Выходцев, участник Бородинского сражения, в Белгороде. В Мценске эту должность исполнял полицеймейстер штаб-ротмистр И.А. Сементовский⁸⁹. В окончательной редакции «Ревизора» маршрут следования Хлестакова смещается восточнее, через Пензу в Саратовскую губернию (III/IV: 229, 237). На этом пути единственным уездным городом, где проходил почтовый тракт, был Петровск. Здесь городничим в 1823–1838 гг. был майор И.Д. Хардин, потомственный дворянин, участник войны 1812 года⁹⁰.

Однако, как было отмечено выше, для гоголевских «сатирических» образов двух городничих и двух уездных судей (в Повести о соре и в «Мертвых душах») наиболее вероятными прототипами являются миргородские чиновники С.О. Браилко, К.П. Носенко, И.А. Янкевич и В.Я. Ломиковский. Отдельные черты этих и других героев Гоголь почерпнул также у миргородского почтмейстера И.Г. Мамчича, у своих родных деда и прадеда, А.Д. Гоголя-Яновского и М.В. Косяровского, а также у двоюродного дяди И.П. Косяровского. Лишь в недавнее время доказано, что прообразом помещицы Пульхерии Ивановны в «Старосветских помещиках» стала для писателя его мать Мария Ивановна Гоголь⁹¹. Отмечалось также, что в образе Плюшкина в «Мертвых душах» нашли отражение отдельные черты двоюродной тетки Гоголя по матери А.М. Лукашевич (рожд. Косяровской)⁹².

Среди разнообразных персонажей, на которых обращалось внимание, характерна связь героя «Ревизора», Растаковского, не только с отставным, ищущим пенсии офицером Копейкиным в «Мертвых душах», но и с другим персонажем «общероссийской» поэмы Гоголя, а именно, с помещицей Коробочкой, «малороссийские» черты в облике которой уже отмечали исследователи⁹³. Растаковского

⁸⁸ См.: Почтовый дорожник, или Описание всех почтовых дорог Российской империи, Царства Польского и других присоединенных областей, в трех частях, с принадлежащими к оному таблицами, расписаниями, почтовыми картами и другими сведениями. Издан от Почтового департамента сообразно с последовавшими переменами вторым тиснением. СПб., 1829. С. 14, 22, 28.

⁸⁹ См.: Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1835. Ч. 2. С. 129, 136–137.

⁹⁰ Там же. С. 207.

⁹¹ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 1. С. 281–285.

⁹² Там же. С. 404.

⁹³ Данилов В.В. Украинские реминисценции в «Мертвых душах» Гоголя // Наукові записки / Ніжинський державний педагогічний інститут ім. М.В. Гоголя. Чернігов, 1940. Т. 1. С. 81.

с Коробочкой объединяет их «общий знакомый» Трепакин — тот самый «квартирмистр», в палатке которого, по рассказу Растаковского, часто оказывались девушки: «Наутро денщик выводит, как будто драгуна, в треугольной шляпе... хе, хе, хе... и португея висит, хе, хе, хе...» (III/IV: 309). Коробочка называет фамилию Трепакина, перечисляя соседей-помещиков: «Бобров, Свинын, Канапатьев Харпакин, Трепакин, Плешаков» (V: 45).

Факты с несомненностью указывают на то, что в «сатирических» образах Гоголя отразился не только «общероссийский», но и малороссийский колорит — и в весьма немалой степени. Усиление, сравнительно с «малороссийскими» «Старосветскими помещиками», «сатирических» мотивов в изображении «старосветского» быта Коробочки, а также более резкий взгляд на Сквозника-Дмухановского, отразившийся в истории Копейкина и в образе Растаковского, свидетельствуют об общей тенденции усиления критического пафоса Гоголя применительно к «старосветской», провинциальной жизни (от мягкой иронии к сарказму — к которому, впрочем, Гоголь обращался уже в «малороссийской» Повести о ссоре). При этом обличает писатель в своих произведениях не только «великороссийские» или «малороссийские», по отдельности, типы, но «злокачественных» представителей русского дворянства в целом.

Интересно отметить, что соответствующий «разночинный» дух тогдашнего российского дворянства отмечал в том же 1834 г., т. е. одновременно с Гоголем, А.С. Пушкин в беседе с великим князем Михаилом Павловичем. Запись об этом, от 22 декабря, сохранилась в дневнике поэта. В этой записи Пушкин недвусмысленно приравнивает современное русское дворянство к «третьему» сословию: «Что касается до tiers état [фр. третье сословие], что же значит наше старинное дворянство с именьями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристокрации и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько ж их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много»⁹⁴.

В конце 1833 г. Пушкин познакомил Гоголя в рукописи с своим «Медным всадником». В этой поэме Пушкин изобразил конфликт «маленького человека», мелкого служащего, с детищем Петра — с возвышающимся над стихией державным Петербургом. Воплотив, таким образом, вторжение в судьбу петербургского обитателя самого

⁹⁴ Пушкин. Полн. собр. соч.: В 16 т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. С. 335.

«гения Петра», носителя «великих дум» о будущем России, Пушкин тем самым во многом задал и тему будущих петербургских повестей Гоголя⁹⁵ с их рядом образов «пошлых» чиновных обывателей, не отвечающих масштабам задач Российской империи.

Обличение современников, позорящих дворянское звание, составляет одну из главных тем гоголевского творчества. Таким позором для этого важнейшего, по Гоголю, русского сословия являются малороссийские «злокачественные дворяне» Иван Иванович и Иван Никифорович в Повести о ссоре (I/II: 473). Отнюдь не в похвалу, а в обличение себе всячески подчеркивают они в порочащих их судебных исках свое «благородное» происхождение. «Пятном» на дворянском сословии является гордящийся своим дворянством петербургский герой-честолюбец Поприщин в «Записках сумасшедшего». Подобных же «дворян» стыдит героиня-сваха в гоголевской «Женитьбе»: «А еще и дворянин! Видно, только на пакости да на мошенничества у вас хватает дворянства!» (III/IV: 365). Один из героев «Театрального разъезда...» в свою очередь замечает: «А насчет маральности, так и за дворянами это водится» (III/IV: 462). Мошенник Чичиков, попавший во втором томе поэмы за свои проделки в острог, восклицает: «Я — дворянин. Без суда, без следствия, бросить в тюрьму, отобрать всё от меня...»; «Дворянина, дворянина, без суда, без следствия, бросить в тюрьму!» (V; 354, 468).

Эта направленность «сатиры» Гоголя еще более уясняется при сопоставлении содержания «Ревизора» с еще одним его произведением. Весьма значимую смысловую параллель к характеристике Городничего представляют образы другой гоголевской комедии — пьесы «Игроки». С шулером Утешительным из «Игроков», обманывающим искусного мошенника Ихарева, Городничего сближает уже его собственное признание: «Мошенников над мошенниками обманывал; пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду...» (III/IV: 299). Для понимания связи «Игроков» с «Ревизором» следует иметь в виду, что одним из побудительных мотивов создания этой пьесы явился Высочайший указ 1832 г. о запрещении в России пагубных азартных игр. Этот указ был издан в подтверждение прежнего указа «о истреблении непозволенных карточных игр» 1801 г.⁹⁶ и целого ряда других

⁹⁵ См.: *Ходасевич Вл.* Петербургские повести Пушкина // Аполлон. 1915. № 3. С. 43–44; *Ульянов Н.И.* На гоголевские темы. Кто подлинный создатель «демонического» Петербурга? // Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. № 94. С. 103–111; *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 2. С. 266.

⁹⁶ 19938. 11 июля 1801. Именной, данный Санкт-Петербургскому военному губернатору Голенищеву-Кутузову. — О истреблении непозволенных карточных игр (ПСЗРИ I. Т. 26. С. 713).

правительственных законов и постановлений, запрещавших азартные игры «в карты, в кости, в зернь и проч.», начиная с XVII в.⁹⁷ Указом 1832 г. «картежная игра» была признана в России «благовидной отраслью грабежа», «в одно мгновение отъемлющей достояние у семейств, многолетними трудами приобретенное, и предающей оное людям, своими поступками позор общества составляющим»⁹⁸. Игроки по этому указу предавались уголовному суду. М.Ю. Лермонтов, подразумевая указ 1832 г., в одной из редакций драмы «Маскарад» (1835) вложил, в частности, в уста своего героя, карточного шулера, следующую реплику: «За то, что прежде, как нелепость, / Сходило с рук не в счет бедам, / Теперь Сибирь грозитя нам / И Петропавловская крепость»⁹⁹. Указ 1832 г. о «сборищах для запрещенной картежной игры», которые «местные начальства» должны «открывать» и преследовать как недопустимую в государстве «нравственную заразу»¹⁰⁰, безусловно, имеет в виду Городничий, когда в ответ на заманчивое предложение «ревизора» Хлестакова сыграть в карты, замечает: «Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! (*Вслух.*) Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах» (III/IV: 254).

Близкое «родство» лицемерного плута и любителя карт Городничего с героями «Игроков» с очевидностью еще раз указывает на то, что в «Ревизоре» Гоголь обличал вовсе не «государственную машину», т. е. «власти предержажие» как таковые, но мошенников на чиновничьих местах, шулеров, «разночинцев» — в прямом и переносном смысле. В десятой главе «Мертвых душ» автор не случайно характеризовал главных чиновников губернского города как шайку игроков-мошенников: «Ноздрев был очень рассержен за то, что потревожили его уединение; [...] но когда прочитал в записке *городничего*, что может случиться пожива, потому что на вечер ожидают какого-то новичка, смягчился в ту ж минуту» (V: 201). Правительство в появлении таких «игроков» на должностных местах было неповинно: оно всегда боролось с этим явлением. Существовал даже указ «О приостановлении производства в чины тех, кои изобличены будут

⁹⁷ ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 1. С. 748.

⁹⁸ Высочайшие указы, за собственноручным его императорского величества подписанием... // Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1832. 19 марта. № 12. С. 469–470; 5227. 12 марта 1832. Именной, данный Сенату. — О строгом подтверждении, чтобы сборища для запрещенной картежной игры местными начальствами были открываемы, и все найденные игроки были предаваемы суду для строгого по законам наказания без всякого различия званий и чинов (ПСЗРИ 2. Т. 7. С. 139–140).

⁹⁹ Лермонтов М.Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 5 / Редактор Б.П. Городецкий. С. 696.

¹⁰⁰ ПСЗРИ 2. Т. 7. С. 139–140.

в азартных играх, или вообще в игре на большие суммы»¹⁰¹. Так что, по этому указу, чин генерала, прельщающий Сквозника-Дмухановского, получен им быть не может.

Комедии «Ревизор» и «Игроки» являются как бы наглядным подтверждением слов Гоголя в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.» о том, что «благосклонно склонитесь око монарха к тому писателю, который, движимый чистым желанием добра, предпримет уличать низкий порок, недостойные слабости и привычки в слоях нашего общества и этим подаст от себя помощь и крылья его правдивому закону» (VII: 510).

Как «игрока», шулера, характеризует гоголевского Городничего и сама его фамилия Сквозник-Дмухановский. Если первая половина намекает на его взяточничество (сквозник — дорогой сорт чая; одна из форм тогдашних взяток¹⁰²), а вторая — произведена от украинского слова дмухати — дуть, сквозить (а также — пыхтеть; ударить, хватить; выпить, осушить; побежать, махнуть, удрать)¹⁰³, то вместе они напоминают фамилию известного по тем временам московского игрока В.С. Огонь-Догановского, которому, например, А.С. Пушкин проиграл в 1830 г. около двадцати пяти тысяч рублей и который явился потом одним из прототипов игрока Чекалинского в «Пиковой даме».

Как заядлого игрока Сквозника-Дмухановского выдают и его лицемерно-благочестивые рассуждения насчет карт: «Я карт и в руки никогда не брал... [...] ...Если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападет, что просто плюнешь» (III/IV: 254). Завершая свою речь, герой заявляет: «Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную» (III/IV: 254). В этом Городничий опять-таки вполне сродни организатору шулеров Утешительному в «Игроках»¹⁰⁴, тоже отлича-

¹⁰¹ ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2. С. 1292; 11.275. 16 июня 1761. Сенатский. — О запрещении азартных игр и о дозволении играть в дворянских домах для препровождения времени и не на большие суммы в ломбер и прочие тому подобные игры (ПСЗРИ 1. Т. 15. С. 731–732).

¹⁰² См.: Виноградов И.А. Князь В.Ф. Одоевский, Н.В. Гоголь и «Журнал Министерства внутренних дел»: К постановке проблемы // Литература и философия: От романтизма к XX веку. К 150-летию со дня смерти В.Ф. Одоевского / Отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. С. 65. (Серия «Русская литература и философия: пути взаимодействия». Вып. 3).

¹⁰³ Первоначально фамилия городничего была Сквозник-Прочуханский (Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 4. С. 229, 239, 283). Согласно малороссийской поговорке, внесенной Гоголем в «Книгу всякой всячины», «прочухана дать (высечь, прочить)» (IX: 555). Такое именование части фамилии Городничего характеризовало его с «распекательной» стороны.

¹⁰⁴ «Притворство Утешительного (“Слышь, Швохнев, карты, а?”) имеет много общего с уверениями городничего, что он за грех считает убивать за

ощемуся красноречием в лицемерных рассуждениях о добродетели: «Если дело коснется обязанностей или долга, я уж ничего не помню. Я обыкновенно вперед уж объявляю: “Господа, если будет о чем подобном толк, извините, увлекусь, право, увлекусь”. [...] Я сам играл, играл сильно. Но, благодарю судьбу, бросил навсегда. [...] ...Проигрыш не так важен, как важно душевное спокойствие» (III/IV: 374, 385).

Одинаково лицемерные речи героев-плутов двух гоголевских комедий: Городничего и Утешительного, — в свою очередь, роднят их с упоминаемым в грибоедовском «Горе от ума» известным «карточным воров», общепризнанной «головой» среди мошенников (еще одним из вероятных прототипов пушкинского Чекалинского¹⁰⁵) графом Ф.И. Толстым («Американцем»): «Когда ж об честности высокой говорит, [...] Глаза в крови, лицо горит, / Сам плачет, и мы все рыдаем»¹⁰⁶.

Следование Гоголя в его обличениях законным правительственным постановлениям проявляется в «Ревизоре» в еще одном — самом очевидном — сатирическом мотиве комедии — в обличении взяточничества. Одновременно с указом о запрещении азартной карточной игры в том же 1832 г. в России по Высочайшему повелению был издан сенатский указ о «воспрещении приношений от обществ лицам начальствующим»¹⁰⁷. Этот указ был не единственным: он вышел в подтверждение целых трех прежних указов о лихоимстве.¹⁰⁸ Той же цели служил и указ 1826 г. «О составлении [...] комитета [...] для соображения существующих законов к искоренению лихоимства и ли-

картами драгоценное время; в первом случае Ихарев отвечает про себя: “Да полно тебе корчить!”, а во втором — Лука Лукич замечает в сторону: “А у меня, подлец, выпонтировал вчера сто рублей”» (*К и М. Женитьба и Игроки* Н.В. Гоголя. К 50-летию этих комедий на сцене // Ежегодник Императорских театров. Сезон 1891–1892. СПб., 1893. С. 362).

¹⁰⁵ *Федута А.И.* Еще раз об образе игрока в «Пиковой даме». Об одном из возможных прототипов Чекалинского // *Временник Пушкинской комиссии*. Вып. 32. Сборник научных трудов. СПб.: Росток, 2016. С. 263–266.

¹⁰⁶ *Грибоедов А.С.* *Горе от ума: Комедия в четырех действиях, в стихах*. М.: В тип. Августа Семена, 1833. С. 143.

¹⁰⁷ 5223. 9 марта 1832. Сенатский, по Высочайшему повелению. — О воспрещении начальствующим лицам принимать приношения от обществ (ПСЗРИ 2. Т. 7. С. 135–136).

¹⁰⁸ 20.030. 11 октября 1801. Именной, данный Сенату. — О запрещении начальникам губерний принимать от градских людей подарки (ПСЗРИ 1. Т. 26. С. 800–801); 25.028. 11 октября 1812. Сенатский, в следствие Именного. — О воспрещении приносить подарки начальникам губерний и другим чиновникам (ПСЗРИ 1. Т. 32. С. 217); 28.715. 2 августа 1821. Высочайшее повеление, объявленное комитету министров. — О воспрещении делать приношения начальникам губерний и другим лицам (ПСЗРИ 1. Т. 37. С. 796).

ходательства»¹⁰⁹. В 1837 г. вышел также «Высочайше утвержденный общий наказ гражданским губернаторам», где особо подчеркивалась ответственность губернаторов за взяточничество подведомственных чиновников¹¹⁰. В этом свете гоголевский Городничий, являющийся представителем власти в провинциальном городе, мечтающий о повышении и переезде в Петербург, на деле — как нарушитель государственных законов и постановлений — одновременно является противником и даже врагом власти.

Тема измены чиновников-мошенников государственным интересам — и лично государю («Верность к службе императорского величества» предписывалась им законом¹¹¹) — звучит с первых строк пьесы: «Министерия нарочно отправляет чиновника, чтоб узнать, нет ли где измены» (VII: 381). Согласно редакции комедии 1841–1842 гг., чиновники, предполагая дать взятку Хлестакову, рассуждают: «Опасно [...] раскритичится: государственный человек... [...] [Скажет: что вы, кому вы, да как вы смеее, хотите, чтоб я изменил государю?]]»¹¹² (фраза в квадратных скобках исключена цензором). Из осторожности судья Ляпкин-Тяпкин предлагает дать взятку Хлестакову «в виде какого-нибудь приношения или пожертвования на пользу общественную, а его пригласить принять обязанность на себя» — «в виде приношенья со стороны дворянства на какой-нибудь памятник»¹¹³. В этом судейский чиновник обнаруживает знакомство с указом о взятках 1832 г., где в качестве исключения московскому городскому голове И.М. Ярцову *разрешалось* принять добровольное пожертвование от купечества на сооружение памятника действующему военному генерал-губернатору князю Д.В. Голицыну¹¹⁴. Дополнительный авторский комментарий к подобного рода «пожертвованиям» можно найти опять-таки в «Игроках», в реплике шулера Замухрышкина: «Вы, господа, только разве что придумали названья поблагородней: пожертвованье там или

¹⁰⁹ 328. 11 мая 1826. Высочайше утвержденное положение комитета министров, объявленное министром юстиции. — О составлении, при общем собрании С.-Петербургских департаментов сената, комитета из трех сенаторов и одного обер-прокурора, для соображения существующих законов к искоренению лихоимства и лихоательства (ПСЗРИ 2. Т. 7. С. 435).

¹¹⁰ 10303. 3 июня 1837. Высочайше утвержденный общий наказ гражданским губернаторам (ПСЗРИ 2. Т. 12. С. 433).

¹¹¹ 15.379. 8 апреля 1782. Устав благочиния или полицейский (ПСЗРИ 1. Т. 21. С. 465).

¹¹² См.: *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 4. С. 57, 460–461.

¹¹³ См.: Там же. С. 461, 57.

¹¹⁴ 5223. 9 марта 1832. Сенатский, по Высочайшему повелению. — О воспрещении Начальствующим лицам принимать приношения от обществ // ПСЗРИ 2. Т. 7. С. 135.

так. [...] А на деле выходит — такие же взятки: тот же Савка, да на других санках» (III/IV: 397).

Очевидно, что пафос гоголевских обличений направлен вовсе не против правительства, а против недостойных исполнителей его воли. Это Гоголь подчеркивал в неотправленном письме к Белинскому, в «Театральном разезде...». В одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» он добавлял: «Наши [...] плуты и взяточники [...] умеют обойти всякий указ... [...] ...Куды ни обращаюсь, вижу, что виноват применитель, стало быть наш же брат...» (VI: 79). Однако не только к правительству, но и к дворянскому служилому сословию, к тому же недостойному Городничему, Гоголь тоже относился совсем не так, как это пытались представить современные писателю и последующие радикальные критики. Несмотря на негативные явления, Гоголь, обличая чиновников, порочащих дворянское звание, был убежден в том, что «у нас дворянство есть цвет нашего же народа» (VI: 147), что следует «вести дворянство в познание истинное своего звания» (VI: 146): «Сословие это в своем истинно русском ядре прекрасно, несмотря на временно выросшую чужеземную шелуху. Но дворянство этого еще не слышит. [...] Дворянство у нас есть как бы сосуд, в котором заключено это нравственное благородство, долженствующее разноситься по лицу всей Русской земли затем, чтобы подать понятие всем прочим сословиям, почему сословие высшее называется цветом народа» (VI: 146, 148).

Главным в гоголевских обличениях был отнюдь не пафос политических преобразований, а христианская, требовательная любовь к человеку и пастырский призыв к избавлению от коренящихся в падшей человеческой природе пороков. Другой, политизированный взгляд на «Ревизора» Гоголь называл поверхностным и «невежественным». 15 мая 1836 г. он писал М.П. Погодину по поводу премьеры «Ревизора»: «Невежество всеобщее. Сказать о плуте, что он плут, считается у них подрывом государственной машины...» (XI: 54–55). С годами, впрочем, это «невежество» в понимании сути гоголевских обличений только возрастало. «Какое невежество блещет на всякой странице», — писал в 1847 г. Гоголь Белинскому в ответ на его зальцбрунское письмо (XIV: 387). В «Авторской исповеди» он добавлял: «С тех пор как мне начали говорить, что я смеюсь не только над недостатком [человека], но даже [...] и над [...] самою должностью, которую он занимает (чего я никогда даже не имел и в мыслях), я увидел, что нужно со смехом быть очень осторожным, — [...] стоит только тому, кто поостроумней, посмеяться над одной стороной дела,

как уже вослед за ним тот, кто *потупее* и *поглупее*, будет смеяться над всеми сторонами дела» (VI: 225).

В день премьеры «Ревизора» 19 апреля 1836 г. инспектор российской театральной труппы А. И. Храповицкий на афише пьесы записал: «Государь император с наследником внезапно изволил присутствовать и был чрезвычайно доволен, хохотал от всей души. Пьеса весьма забавна, только нестерпимое ругательство на дворян, чиновников и купечество»¹¹⁵. Имея в виду высокую оценку «Ревизора» государем — и при представлении на сцене («Государь даже велел министрам ехать смотреть “Ревизора”»¹¹⁶), и при предварительном одобрении к печати, Гоголь отвечал своим недоброжелателям: «[Высоким и разумным движением было подвинуто ко мне правительство наше.] Великодушное правительство глубже вас прозрело высоким разумом цель писавшего»¹¹⁷ («Театральный разъезд после представления новой комедии»).

Возражая на радикальные толкования «Ревизора», Гоголь выступал с защитой дворянства: «Большую часть заслуги пред царем, народом и всей землей Русской возводили у нас в знатный род людей из всех решительно сословий. [...] В награду за доблести, за испытанную честную службу даются ему в управленье крестьяне, даются ему, как просвещеннейшему, как ставшему выше пред другими, — в предположении, что такой человек, кто лучше других понял высокие чувства и назначение, может лучше править, чем какой-нибудь простой чиновник, выбираемый в заседатели, или капитан-исправники. Вольно было помещикам, позабывши эту высокую обязанность, глядеть на крестьян как на предмет только дохода для своей роскоши и увеселений. Этим они ничуть не доказали, что государи были неправы, а доказали только, что они сами уронили званье помещика. [...] Дворянство должно быть сосудом и хранителем высокого нравственного чувства всей нации, рыцарями чести и добра, которые должны сторожить сами за собою» («О сословиях в государстве»; VI: 319). Этим строкам соответствуют и размышления Гоголя о «русском дворянстве» в «Тарасе Бульбе» (I/II: 308).

Не лишне указать и на то, что в роду писателя было три именитых украинских правителя — три малороссийских гетмана: гетман Евстафий Гоголь, гетман Петр Дорошенко, гетман Иван Скоропадский. Можно сказать, что государственное мышление Гоголь унаследовал

¹¹⁵ Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 2. С. 515.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 5. С. 387.

на «генетическом» уровне, через традиции семьи. Но даже в образах казацких, близких душе (и родственных по крови) «малороссийских» героев, изображенных в «Страшной мести» и «Гарасе Бульбе», Гоголь тоже показал немало черт, мешающих им осуществлять их высокое призвание (пьянство, падкость на соблазны, несоблюдение постов, вспыльчивость, склонность к раздорам, корыстолюбие, мстительность и пр.). Судя по всему, в своем пастырском обличении, своем «смехе сквозь слезы» (V: 130), Гоголь прямо руководствовался словами св. апостола Павла во Втором послании к Коринфянам. Здесь апостол объяснял причины суровости, с какой он обличал коринфян в предшествующем, Первом послании: «От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам» (гл. 2, ст. 4).

Своеобразным продолжением главной гоголевской комедии, развивающей действие пьесы с момента появления в ней «настоящего ревизора», можно назвать речь генерал-губернатора в заключительной главе второго тома «Мертвых душ». Эта речь, в которой Гоголь однозначно встает на точку зрения верховной власти, обращена к погрязшим в неправде и взяточничестве чиновникам города Тьфуслева — тоже являющих собой, по своим качествам, не настоящих дворян, а, согласно оценке Гоголя, «низких разночинцев»: «Знаю, что уже почти невозможно многим идти противу всеобщего течения. [...] ..Никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как [ни] ограничивай он в действиях дурных чиновников приставленьем к надзиратели других чиновников. Все будет безуспешно, покуда не почувствовал из нас всяк, что он так же, как в эпоху восстанья народ вооружался против [врагов], так должен восстать против неправды. [...] Я обращаюсь к тем из вас, кто имеет понятие какое-нибудь о том, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долг, который на всяком месте предстоит человеку» (V: 368–369).

В другом наброске к поэме Гоголь продолжает: «Помещики, они позабыли свою обязанность. [...] Или нельзя [...] на них подействовать, или они не лучше других воспитали [понятье о чести]. Или не восприимчивее [...] их душа, чем необразованного человека? Или на голос Отчизны не откликнулось дело их? Или не из среды их мелькнули Суворовы, Мордвиновы, Чичаговы, Орловы, Румянцевы и ряды героев самоотверженья, которых не уместит на страницах своих подробнейшая летопись» (V: 660).

Предпринятый анализ показывает, что гоголевская «сатира» направлена не против правительственной власти, но против недостойных исполнителей воли правительства — против тех «низких разночинцев», которые, по их служению собственному я, продолжают оставаться таковыми даже с получением дворянского чина. На эту направленность своей «сатиры» прямо и недвусмысленно указывал сам Гоголь. В одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» он писал: «Вот уже почти полтора года лет протекло с тех пор, как государь Петр I прочистил нам глаза... [...] ...Правительство во все время действовало без устани. [...] Сверху раздавались иногда такие вопросы, которые свидетельствуют о рыцарски великодушном движенье многих государей... [...] А как было на это всё ответствовано снизу? Дело ведь в примененье...» (VI: 78–79).

Об этом же проправительственном направлении «сатиры» Гоголя говорят два его произведения, являющиеся прямым авторским комментарием к «Ревизору», — «Театральный разъезд...» и «Развязка Ревизора». Размышляя о зрительской оценке уездной компании жуликов, возглавляемых Городничим (подобных шайке «игроков» в одноименной пьесе), писатель замечал: «Верен [...] простой глаз, если он не отуманен теориями и мыслями, надерганными из книг... [...] ...Он видит, что благородно правительство, что бдит равно над всеми его недремлющее око, что рано или поздно настигнет оно изменивших закону, чести и святому долгу человека, что побледнеют пред ним имеющие нечистую совесть» (III/IV: 446). В «Развязке Ревизора» Гоголь заключал: «Взглянем на себя [...] глазами Того, Кто позовет на очную ставку всех людей... [...] Клянусь, душевный город наш стоит того, чтобы подумать о нем, как думает добрый государь о своем государстве! Благородно и строго, как он изгоняет из земли своей лихоимцев, изгоним наших душевных лихоимцев!» (III/IV: 493–494).

Таким образом, изучение послужного списка Городничего, его «биографии» и прототипов позволяет определить гоголевский авторский замысел «Ревизора» как пьесы, обличающей недостойных исполнителей воли монарха, тех дворян и разночинцев, которые не отвечают высокому призванию, возложенному на них правительством. «Сатирический» пафос Гоголя никогда не был направлен ни против правительства, ни против добросовестно исполняющего свой долг служилого дворянства. С предельной искренностью и остротой писатель выступал за «оздоровление», исправление недостатков и пороков своего времени, без «задней мысли» о смене политической системы общества.

Литература

Виноградов И.А. «Дело, взятое из души» // *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем: В 17 т., 15 кн. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. V. С. 530–571.

Виноградов И.А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: В 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1. 904 с.

Виноградов И.А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 3. С. 7–18; № 4. С. 51–67.

Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852): В 7 т. Т. 1, 2, 4, 6. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018. 736, 672, 704, 656 с.

Виноградов И.А. «Огорченные люди» в творчестве Н.В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 4. С. 29–114.

Виноградов И.А. Н.В. Гоголь в Одессе. Забытые свидетельства современников (письмо протоиерея Анатолия Корочанского и воспоминания Н.И. Савича) // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 403–415.

Виноградов И.А. Князь В.Ф. Одоевский, Н.В. Гоголь и «Журнал Министерства Внутренних Дел»: К постановке проблемы // Литература и философия: От романтизма к XX веку. К 150-летию со дня смерти В.Ф. Одоевского / Отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. С. 58–70.

Виноградов И.А. Эволюция текста: Авторский комментарий Н.В. Гоголя к поэтике комедии «Ревизор» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 146–174.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т., 15 кн. Т. I/II, III/IV, V, VI, VII, IX, X, XI, XII, XIV / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. 664, 688, 680, 744, 816, 967, 392, 488, 704, 608 с.

Розсоха Л.О. Миргородщина козацка і гоголівська. Київ: ТОВ «ВБ "Аванпост-прим"», 2009. 396 с.

Федута А.И. Еще раз об образе игрока в «Пиковой даме». Об одном из возможных прототипов Чекалинского // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 32. Сборник научных трудов. Санкт-Петербург: Росток, 2016. С. 263–266.

References

Vinogradov I.A. “Delo, vziatoe iz dushi” [“Case taken from the soul”]. Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 17 t. (15 kn.)* [Complete works and letters, in 17 vols. (15 books)], comp., ed. and comment. I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. Moscow, Kiev, Moscow Patriarchy Publ., 2009, vol. 5, pp. 530–571. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Gogol' v vospominaniakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyi sistematicheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv: V 3 t.* [Gogol in contemporaries' memoirs, diaries and correspondence. Full systematic set of documentary evidence, in 3 vols.]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011. Vol. 1. 904 c. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Blazhenny mirotvortsy. Ot Povesti o ssore k zamyslu “Mertvykh dush” [Blessed are the peacemakers. From the Tale of the quarrel to the concept of “Dead Souls”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. series 9: Philology, 2017, no. 3, pp. 7–18, no. 4, pp. 51–67. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolia (1809–1852): V 7 tomah* [Chronicle of N.V. Gogol's life and work (1809–1852), in 7 vols.], vol. 1, 2, 4, 6. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017–2018. 736, 672, 704, 656 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. “Ogorchennyye liudi” v tvorchestve N.V. Gogolia [“Grieving people” in N.V. Gogol's works]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2018, vol. 16, no. 4, pp. 29–114. (In Russ.)

Vinogradov I.A. N.V. Gogol' v Odesse. Zabytye svidetel'stva sovremennikov (pis'mo protoiereia Anatolii Korochanskogo i vospominaniia N.I. Savicha) [Gogol in Odessa. Forgotten testimonies of contemporaries (letter of Archpriest Anatoly Korochansky and memoirs of N.I. Savich)]. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 1 (11), pp. 403–415. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Kniaz' V.F. Odoevskii, N.V. Gogol' i “Zhurnal Ministerstva Vnutrennikh Del’”: K postanovke problemy [Prince V.F. Odoevsky, N.V. Gogol and the “Journal of the Ministry of Internal Affairs”: On the statement of the problem]. *Literatura i filosofii: Ot romantizma k XX veku. K 150-letiiu so dnia smerti V.F. Odoevskogo* [Literature and philosophy: From Romanticism to the 20th century. On the 150th anniversary of V.F. Odoevsky's death], ed. and comp. E.A. Taho-Godi. Moscow, Vodolei Publ., 2019, pp. 58–70. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Evoliutsiia teksta: avtorskii kommentarii N.V. Gogolia k poetike komedii “Revizor” [The evolution of the text: N.V. Gogol's comment on the poetics of the comedy “The Government Inspector”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2020, vol. 18, no. 1, pp. 146–174. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 17 t. (15 kn.)* T. I/II, III/IV, V, VI, VII, IX, X, XII, XIV [Complete works and letters, in 17 vols. (15 books)]. Vol. 1/2, 3/4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 14], comp., ed. and comment. I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. Moscow, Kiev, Moscow Patriarchy Publ., 2009–2010. 664, 688, 680, 744, 816, 967, 392, 488, 704, 608 p. (In Russ.)

Rozsokha L.O. *Mirgorodshchyna kozatska i gogolivs'ka* [Myrhorod region in Cossack and Gogol time]. Kyiv, VB “Avanpost-prim” Publ., 2009. 396 p. (In Ukrainian)

Feduta A.I. Eshche raz ob obraze igroka v “Pikovoi dame”. Ob odnom iz vozmozhnykh prototipov Chekalinskogo [Revisiting the image of the gambler in “The Queen of Spades”. On one of the possible prototypes of Chekalinsky]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [Temporary of the Pushkin Commission]. Issue 32. Collection of scientific papers. St. Petersburg: Rostock Publ., 2016, pp. 263–266. (In Russ.)

The Mayor's career in "The Government Inspector". On Nikolai Gogol's political views

© 2020, Igor Vinogradov

Abstract: The paper is devoted to the study of Nikolai Gogol's idea of the social and official status of the Mayor, the character of a "head official" in the satirical comedy *The Government Inspector*. So far Gogol's view of his character as a *raznochinet*, a "mean plebeian", who blemished his rank and position, hasn't been considered by the scholars. In Gogol's opinion, *Skvoznik-Dmukhanovsky*, who started his career from the lowest position and acquired his rank and title of nobility with "hard service", nevertheless hasn't become a true nobleman because of his bribery and corruption. From this perspective, the character of the Mayor helps to better understand the purpose of Gogol's satire. Both in *The Government Inspector* and *The Gamblers*, another Gogol's play, that has much in common with his most famous comedy, the satire is not aimed at "those in power", nor the "state machine", but at all kinds of frauds and swindlers among officials. Critically examining the state administration in Russia, Gogol shows them through the eyes of a high-ranking, responsible official who takes the problem very much to heart. This point of view resonated with that of the Emperor Nicholas I: it took his personal intervention to have the play published and staged. The paper consists of five parts: 1. The Mayor's career; 2. Character archetypes in *The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich and The Government Inspector*; 3. Characteristic features of an "average official" in Gogol's works; 4. The Mayor as a liminal character; 5. Gogol's use of satire. The paper is based on extensive factual material that allows to trace in detail the Mayor's career and to specify Gogol's idea of the comedy as a satiric play aimed at obnoxious saboteurs, both nobles and commoners, who subvert the royal power and the state with their unworthy behavior, who are unfit for the positions they occupy and unable to meet the requirements of the supreme authority. The milestones of the Mayor's career clearly confirm Gogol's words that "the government consists of us, we climb the career ladder and make up the government", that "the occupant of the position is to be blamed, and he is our brother", and that readers should be able to find with themselves the faults satirized in the comedy. With utmost sincerity and acuteness Gogol advocates healing self and society, extirpation of vices without the hidden agenda of changing political regime. The paper for the first time considers the connection between two scenes ("Anna Andreevna and Maria Antonovna". "Khlestakov and Rastakovsky") published in 1841 and the idea of *The Government Inspector*.

Keywords: Gogol, biography, works, interpretation, character typology, radicalism, conservatism, spiritual heritage.

Information about the author: Igor Vinogradov, Doctor Hab. in Philology, Chief Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: info@imli.ru

Citation: Vinogradov Igor. The Mayor's career in "The Government Inspector". On Nikolai Gogol's political views. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 1 (15), pp. 237–282. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-237-282